

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 0.70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 10 (366)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

27 Мая 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

Социалистический Интернационал о международном положении: Резолюция Исполкома РСИ.
Ф. Дан. На пороге великой эпохи.
Российская социалдемократия французским товарищам.
А. Югов. Демократия и самодеятельность масс.
С. Ш. Майские заметки.
Политическая трибуна: Б. Гуревич-Двинов. Борьба за единство.

В Рабочем Социалистическом Интернационале: Заседание Исполкома РСИ. — Заседание Бюро РСИ.

За границей: Историческая стачка в Польше. — Съезд голландской социалдемократии. — Рабочее правительство в Новой Зеландии.

Издания, поступившие в редакцию. — От редакции. — Почтовый ящик.

Фельетон: А. Цилика. По советским тюрьмам и ссылкам.

РСИ о международном положении

РЕЗОЛЮЦИЯ ИСПОЛКОМА РСИ.

РСИ напоминает, что он не переставал требовать с возрастающей настойчивостью последовательного и энергичного применения пакта Лиги Наций против тех, кто развязывает войну или угрожает ею. Обусловленные частными и временными интересами слабость и блуждающая политика различных правительств по отношению к японскому империализму, к фашистскому нападению на Абиссинию, к гитлеровской провокации на Рейне — доставили новые успехи нарушителям договоров и усилили военную опасность.

Издаваясь над Лигой Наций, фашистская Италия пустила в ход удушливые газы, убивала гражданское население, сознательно бомбардировала незащищенные города и красно-крестовские госпитали и такими методами, провоцируя мировое общественное мнение, сломала сопротивление абиссинского народа и, в конце концов, провозгласила аннексию Эфиопии.

Это еще раз доказывает, что только энергичное применение пакта Лиги Наций может спасти мир. Всякую капитуляцию перед совершившимися в нарушение договоров фактами РСИ решительно отвергает.

Надо не допустить фашистскую Италию спокойно собирать плоды своей наглой и подлой агрессии. Санкции должны быть сохранены в силе до восстановления авторитета Лиги Наций.

Сохранение мира не допускает никакого ослабления политики коллективной безопасности; наоборот, оно требует ее усиления. Для предотвращения всяких актов агрессии и всякого нарушения трактатов, способного привести к нарушению мира в какой-либо части Европы, необходимо сочетание сил всех государств, враждебных войне, особенно же — тесное согласование политики Великобритании, Франции и Советского Союза. Это согласование создаст в рамках Лиги Наций мощную концентрацию сил всех государств, готовых поддерживать и защищать мир.

Успех политики мира может быть обеспечен лишь в том случае, если ее будет поддерживать неодолимая сила широкого народного движения. Борьба за мир требует непрерывной бдительности и напряжения всей энергии народных масс. И те, кто чувствует себя сегодня менее угрожаемым, должны понять, что война будет катастрофой для всех народов без исключения, и что мир можно спасти лишь в том случае, если все нации будут ставить общий интерес выше своих частных интересов.

В сознании своего долга и серьезности положения, РСИ зовет всех трудящихся, народные массы, женщин, молодежь, всех добросовестных людей всего мира к моральному и политическому походу против фашизма и против войны, за мир и свободу.

На пороге великой эпохи

Победа «левых» на выборах во Франции и приход к власти правительства Народного Фронта, возглавляемого социалистической партией, никоим образом не могут быть рассматриваемы и поняты, как очередные и преходящие эпизоды парламентской и правительственной истории Третьей Республики. Или точнее: если-бы они оказались такими эпизодами, то они означали бы не что иное, как преддверие тягчайшего поражения пролетарского, социалистического и демократического движения во Франции, пролог полной «фашизации» Франции, а вместе с нею, по малой мере, и всего европейского континента.

Нет, события во Франции имеют гораздо более глубокое, можно с полным правом сказать — историческое значение. Избирательная борьба явилась здесь прямым продолжением и одним из фазисов той удивительной, революционной борьбы за власть, которую фашизм начал 6 февраля 1934 года и которую он с тех пор не переставал тщательно организовывать и готовить. Франция оказалась той первой великой капиталистической державой, в которой, в обстановке свирепого экономического кризиса, пролетарскому социализму, объединившему в политическом действии свои собственные силы, удалось вырвать выбитые из колен мелкобуржуазные массы города и деревни из-под влияния фашизма, направить их, рожденный кризисом, «анти-капиталистический бунт» в рабоче-социалистическое русло и таким образом отбить революционную атаку французских фашистов, рассчитывавших на такой-же быстрый и полный успех, какой, сравнительно так недавно, выпал на долю их германских, австрийских и прочих братьев. Такой успех им сужден не был. Но это не значит, что они сложили оружие, и избирательные и парламентские формы уже сейчас еле прикрывают революционный характер той борьбы за власть, которую начал французский фашизм и которой парламентские победы Народного Фронта не только не положат конца, но скорее всего придадут новую остроту: ибо для обеих сторон — и для возглавляемого социалистами Народного Фронта, и для французского фашизма — дело идет в буквальном смысле этого слова о жизни или смерти, а отнюдь не о смене одного министерства, «левого», другим, «правым».

Правительство Народного Фронта не может поэтому просто «пасть», как падали до него десятки правительств Третьей Республики: падение правительства Народного Фронта было бы равносильно торжеству «тотальной» фашистской контр-революции во Франции, означало бы катастрофу французской демократии, французского социализма и французского рабочего движения, а при той роли, которую Франция играет в наполовину фашизированной уже Европе, катастрофу всего международного социализма на долгие годы, быть может, десятилетия. Вот почему прав был Жиромский, сказавший в партийном Совете, что образуемое социалистами правительство Народного Фронта не имеет права потерпеть неудачу, что оно обязано иметь успех. Но условия этого успеха, а потому программа и методы действия правительства Народного Фронта, диктуются ему теми условиями, в которых оно приходит к власти.

Конечно, правительства, опирающиеся по существу на блок пролетариата с городской мелкой буржуазией и крестьянством, имеются и в других странах: такие правительства мы видим, например, в скандинавских странах, а в Испании власть, как и во Франции, перешла в руки Народного Фронта. Но на скандинавской окраине

капиталистического мира нет еще ни революционной ни предреволюционного положения. И там, конечно, деятельность возглавляемых социалистами правительств сильно окрашена в цвета пролетарского социаль-реформаторства и в этом смысле имеет тенденцию к «прорыву» рамок капитализма. Но практически этот классовый блок и его политика основаны там на готовности пролетариата защищать интересы мелкой городской и сельской буржуазии в рамках капиталистического строя и имеют поэтому по существу консервативный характер. Наоборот, в Испании положение определено революционно. Но «народный фронт» имеет там иной характер, чем во Франции, ибо революционная ситуация возникает там не на почве безвыходных противоречий перезрелого капитализма, а в борьбе за радикальную ликвидацию до-капиталистического варварства, — чем и объясняется тот «русский» отпечаток, который в сильной степени присущ ходу, а быть может, и перспективам революционного процесса в Испании, если бы этому процессу оказалось суждено развиваться вне прямого воздействия пролетарских революций в странах наиболее развитого капитализма.

Во Франции впервые «союз пролетариата и крестьянства» создается в условиях развитого капиталистического общества, на почве кризиса, свидетельствующего об упадке жизнеспособности капитализма и рождающего в широких мелкобуржуазных массах города и деревни стремление оградить свои интересы уже не в традиционных рамках капиталистического строя, а на путях прорыва этих рамок, на путях тех смутных «анти-капиталистических» чаяний и тенденций, которыми до сих пор еще вездe пользовался фашизм, которыми он пытался воспользоваться и во Франции, но пока безуспешно. Трезвой расчетливости скандинавских рабоче-крестьянских коалиций противостоят во Франции «мистика» Народного Фронта, т. е. ожидание каких-то крупных, радикальных перемен, какого-то решительного разрыва с обанкротившимся прошлым, каких-то новых, донныне ведомых лозунгов, идей и путей. Политика правительства Народного Фронта и по своей программе, и по своим методам должна быть рассчитана на удовлетворение этой, эмоционально-напряженной требовательности верившихся ему масс, ибо иначе вся мощь «мистических» настроений с такою-же неудержимой силой обратится против представляемых Народным Фронтом идей, кою она сейчас вознесла этот фронт к вершинам власти: банкротство Народного Фронта раскрыло бы во Франции фашизму во Франции. Поэтому политика нового правительства нуждается не только в «мудрости»; ей более необходима смелость, она должна быть планомерно того «нового» и «молодого», о котором свое время болтали нео-социалисты, но которого ни в малейшей степени не умели осуществить, совершенно потонув в парламентских интригах и комбинациях традиционного типа.

Конечно, вожди французского социализма вполне правы, когда настойчиво подчеркивают, что к власти пришел пока лишь Народный фронт, а не социализм и что программа этого фронта, при всем своем радикализме, не выходит из принципиальных рамок капитализма. Эти заявления, настойчиво поддерживаемые всеми политическими и профессиональными организациями пролетариата, имеют целью не столько умерить «неопределенные» чаяния избирателей Народного Фронта, сколько предотвратить злостное использование его победы капиталистическими хищниками для сеяния паники как среди той мелкой буржуазии городов и деревень,

сбережениям, ни имуществу которой победа эта решительно ничем не грозит. Но, когда капиталистическая печать, давая маневру другое направление, пытается использовать эти заявления для того, чтобы «обхаживать» главу будущего правительства, Леона Блюма, восхвалять его «государственную мудрость» и изображать дело так, как будто все останется попрежнему, то она — вряд ли в искреннем заблуждении! — совершенно искажает действительное положение дел. Да, начальны е, исходные мероприятия новой власти будут, несомненно, вмещаться — по крайней мере, в теории и принципе — в рамки капитализма. Но, если вспомнить, что речь идет об экономических и политических мероприятиях такого крупного калибра, как национализация Французского Банка, военной промышленности, страхования и пр., как основательная «чистка» бюрократического, судейского, полицейского и милитаристского аппарата и т. п., то станет очевидно, что в складывающейся во Франции и отмеченной выше революционно-напряженной обстановке, мероприятия эти, так глубоко врезающиеся в интересы подлинно «господствующего» слоя, на практике не смогут быть осуществлены иначе, как при активной и организованной поддержке возглавляемых социалистическим пролетариатом трудящихся масс, т. е. методами, не замыкающимися в рамки и формы традиционного парламентаризма. А тем самым с самого начала определяются и основные, выходящие далеко за рамки капитализма тенденции политики нового правительства, которые оно все настойчивее и последовательнее вынуждено будет проводить, чтобы действительно победить те «двести семей», в которых олицетворяется господство капиталистической буржуазии во Франции и которые и

во Франции, как во всем мире, выдвигают фашизм, как последнее орудие самозащиты.

И во Франции, как во всем мире, фашистскому или фашизирующемуся капитализму может быть с успехом противопоставлен лишь пролетарский социализм. И во Франции, как во всем мире, демократия может быть спасена и возрождена, лишь как социалистическая демократия. Пример Польши и Австрии только что дал тому новое доказательство от противного: не прошло и нескольких дней, как иллюзорные надежды на возможность возрождения демократии на базе капитализма, вызванные правительственными кризисами в этих странах и у кое-каких социалистов, были радикально разбиты ходом событий, приведшим в обеих странах лишь к усилению «авторитарного» и «тотального» характера существующей в них диктатуры. Не случайно поэтому, что руководящей политической силой Народного Фронта во Франции оказался пролетариат, а возглавительницей его будущего правительства — социалистическая партия. И не случайно в самом ходе подготовки будущей власти уже встал вопрос о различных формах вне-парламентского содействия этой власти, начиная с организации сотрудничества Всеобщей Конфедерации Труда и кончая проектируемыми местными комитетами Народного Фронта.

Борьба будет долгая и трудная. Насчет этого не следует делать себе никаких иллюзий. Но в то же время, чтобы ориентироваться в направлении этой борьбы и вести ее с максимальными шансами на победу, надо ясно и определенно отдать себе отчет в том, что приход к власти правительства Народного Фронта, возглавляе-

По советским тюрьмам и ссылкам

От редакции. — Мы с особую признательностью печатаем интересный очерк тов. Цилиги. Тов. Цилига — коммунист. Его общие оценки поэтому, естественно, во многом не совпадают с нашими. Тем ценнее его свидетельство о советском терроре, о советской тюрьме и ссылке и, в частности, о наших товарищах, жертвах чекистской расправы. И тем знаменательнее тот призыв к «единому фронту» в борьбе за гражданские и человеческие права всех преследуемых в Советском Союзе пролетарских партий и групп, которым он заканчивает свою статью.

Я охотно выполняю пожелание редакции «Социалистического Вестника» — написать информационную статью о политических преследованиях в современной России, в частности о преследованиях социалистов.

Дать объективную и верную информацию о преследовании не только коммунистов-оппозиционеров и рабочей массы, но и социалдемократов, анархистов, левых эсеров, сионистов, кавказских социалистов и остальных социалистических групп, написать открыто о невероятных по своей жестокости преследованиях трудящейся крестьянской массы (а не только кулаков), о бесчеловечном преследовании рядовых граждан, — дать полную информацию обо всем этом я считаю прямой долгом коммуниста, который не хочет нести ответственности за преступления бюрократических узурпаторов и породившегося официального коммунизма. В течение моего 9-летнего пребывания в России (октябрь 1926 — декабрь 1935) и, в особенности, в течение последних 5½ лет, проведенных в тюрьмах и ссылках, я имел более, чем достаточно, возможности своими глазами видеть и своими руками осязать мерзость бюрократической реакции.

В борьбе против сталинской реакции и сталинских тюремщиков за элементарные человеческие и гражданские права не могут не объединять свои силы социалисты, анархисты и коммунисты-оппозиционеры, одинаково являющиеся жертвами этих тюремщиков. Сама обстановка их к тому толкает, заставляя изживать кое-какие предрассудки и забывать взаимные обиды. Это, конечно, нисколько не исключает одновременной борьбы между этими группами и партиями по разделяющим их политическим и принципиальным вопросам. Рабочая демократия, ценность которой должна стать особенно очевидной после тяжелого опыта бонапартистского вырождения русской революции, допускает и даже предполагает сочетание принципиальной, политической борьбы между различными партиями рабочего движения с их общим сотрудничеством в борьбе против реакции. Вместе с коммунистами, анархистами, социалистами боролся я против сталинских тюремщиков в России. Вместе с ними готов я продолжать эту борьбу и здесь, в Западной Европе.

**

За первые три года моего пребывания в России (1926-1929), проведенные в Москве на Коминтернской работе, как и за четвертый год, проведенный на работе научной в Ленинграде, мне приходилось лишь очень мало и крайне смутно слышать о современном положении социалдемократов и других социалистов в Советской России. Советское правительство и руководящие круги ВКП(б) заботятся о том, чтобы творящиеся ужасы творились без шума, без огласки: зачем смущать и подвергать испытанию совесть людей? Когда они ни

мого социалистами, означает не что иное, как начало «последних и решительных битв» между капитализмом в его современной фашизированной форме и социализмом. И победа, и поражение в этих битвах будут иметь решающее значение для судеб рабочего социализма не только во Франции, но во всем мире. Можно поэтому с полным правом сказать, что в руках Леона Блюма, главы «Французской Секции Рабочего Интернационала» и главы будущего правительства Народного Фронта, больше, чем в руках какого либо другого товарища, лежат сейчас судьбы всего Социалистического Интернационала и представляемого им международного пролетариата. На долю Блюма выпало великое бремя, но и великая честь — открыть двери в новую эпоху, чреватую, вероятно, великими потрясениями и катастрофами, но и великими историческими возможностями и надеждами.

***

Какими-же силами располагают французская социалистическая партия и ее вождь, чтобы выполнить выпавшие на их долю грандиозные задачи? Социалистическая партия является руководящей политической силой французского Народного Фронта; за нее на выборах было подано 2 миллиона голосов — больше, чем за какую-либо другую партию; в парламенте она представлена самой многочисленной фракцией. Но все-же и в стране, и в парламенте она является меньшинством, ей приходится действовать в коалиции с другими партиями и группами Народного Фронта. В какой мере может она рассчитывать на их поддержку?

о чем не знают, им легче прививать лживые теории официальной идеологии.

Но кое-что я все-же слышал и узнавал. Так, при поездке в Ивановскую промышленную область секретарь райкома компартии в Гусе-Хрустальном говорил мне, что у них на стекольном заводе имеются старые квалифицированные рабочие-социал-демократы. Нелегальной организационной работы они, правда, не ведут, говорил он, летучек не издают и официально числятся «беспартийными», но ведут с рабочими частные беседы по отдельным конкретным и актуальным вопросам в социал-демократическом духе. При обходе завода секретарь мне нескольких из этих рабочих и показал.

В другой раз я узнал в Москве об аресте на одном московском хлебозаводе группы рабочих-анархосиндикалов, выпустивших листовку с требованием улучшения оплаты труда рабочих завода. Меня поразило, как на это реагировала профсоюзная организация. Она созвала митинг рабочих завода и предложила осудить выпустивших листовку и одобрить их арест (в лицемерно-инквизиторской форме: осудить «перешедших к нелегальщине» и одобрить «меры защиты советской власти»). «Обсуждение» велось в отсутствие обвиняемых, после их ареста, известного всем, и при условии, тоже всем известном, что всякий, рискнувший выступить в их защиту, тоже должен готовиться к ночевке в ГПУ... Я и тогда видел в этом циничное издевательство над рабочими, а не «рабочую демократию» (как пытался меня убедить один из аппаратчиков). Но только позже понял я действительный смысл этой, казалось, просто ненужной комедии: поскольку рабочие листовку читали и встретили ее сочувственно, поскольку, следовательно, существовала возможность, что воздействие ее как нибудь проявится и после ареста инициаторов, «руководство» (директор завода, се-

Реакционная печать тратила и тратит немало усилий на «обработку» радикал-социалистов, драгая их тем, что их левые, социалистические и коммунистические «друзья» поживились на выборах за их счет и в дальнейшем будут диктовать им свою волю. И все же большинство радикальной партии твердо держится за Народный Фронт. Ибо это большинство, связанное не с капиталистическими, а с мелкобуржуазными кругами города и деревни, хорошо знает, что, не связав своей судьбы с судьбой Народного Фронта, оно потеряло бы не 40, а, быть может, все 140 депутатских мест. Именно среди мелкобуржуазных избирателей радикал-социалистов «мистика» Народного Фронта со всеми связанными с нею «анти-капиталистическими» настроениями особенно сильна. И это обстоятельство служит подталкивающим фактором к тому, что, если бы даже от радикальной партии откололось ее «капиталистическое» крыло, большинство ее поддержит Блюма в тех попытках осуществления программы Народного Фронта, которые будут представлять содержание начальной стадии работы нового правительства. Успехи этой работы, и только они, могут укрепить складывающийся во Франции союз пролетариата и мелкой буржуазии и тем самым обеспечить социализму поддержку значительной части радикалов на тех дальнейших этапах социально-экономической реконструкции, которые будут все дальше выходить за рамки нынешней программы Народного Фронта. Чем касается рабочих партнеров по Народному Фронту, то тут социалистической партии обеспечено участие в правительстве тех мелких социалистических групп, которые объединены в Республиканский Социалистический Союз, и, что еще важнее, деятельная поддержка Всеобщей Конфедерации

кретарь партиячки и председатель фабзавкома) решил созвать митинг («профсоюзный») и заставить рабочих публично осудить то, чему они втайне сочувствовали. После такого шага рабочие чувствуют себя настолько деморализованными, что опасаются с их стороны какой-либо «неожиданности» уже не так приходится... Вот секрет советского «единогласия» и «энтузиазма»! Конечно, возможно такое положение вещей в период упадка массовой энергии...

В Ленинграде был такой случай: на телефонном заводе «Красная Заря» возникло зимой 1929/30 острое недовольство рабочих (из-за дороговизны и отсутствия продовольствия при низкой зарплате). По инициативе бюро комячейки это недовольство раздувало группой старых квалифицированных рабочих инстинктивного цеха, бывших активных социал-демократов (ныне формально беспартийных). Бюро боялось, чтобы дело не дошло до забастовки. Чтобы предотвратить такую опасность, через профсоюзную организацию была проведена кампания (в том числе и митинг) «разъясления», а на деле личной травли упомянутых рабочих-социал-демократов. Я подчеркиваю, что в данном случае не было и речи о противопоставлении революционной позиции реформистской: шла настоящая разнузданная травля. В Ленинградской гопэ-уэсской тюрьме (летом 1930 г.) я встретил группу и бывших эсеровских рабочих, арестованных в связи с экономическим конфликтом на одном из ленинградских заводов.

О выступлениях коммунистической оппозиции на заводах я здесь не говорю. Эти выступления носили, как известно, тогда — с 1926 по 1929 — массовый характер и сама оппозиция была в первую половину этого периода еще легальна. Ныне и коммунистическая оппозиция находится приблизительно в том же положении, в каком находились 5-10 лет тому

дерации Труда: отказываясь, согласно своей общей синдикалистской концепции, делегировать своих представителей в правительство, объединенная ВКТ обещает ему в то же время организованную и энергичную поддержку свою во всех сферах его деятельности, интересующих рабочий класс, т. е. на деле во всех областях правительственной работы без исключения. Темным пунктом остается лишь позиция, занятая коммунистами, которые клянутся в своей готовности «всеми средствами» содействовать осуществлению подписанной и ими программы Народного Фронта, но в то же время отказываются пустить в ход самое простое и действительное «средство» к тому, каким было бы их участие в правительстве, имеющем своей основной задачей именно осуществление этой программы.

Можно поверить коммунистам, когда они говорят, что сделают «все» для поддержки будущего правительства Блюма, ибо, конечно, и им ясно, что крушение этого правительства открыло бы дорогу не им, а фашистам. Но тем более несостоятельными представляются те аргументы, которыми они мотивируют свой отказ от участия в правительстве. Понять этот отказ можно, лишь оценив всю декламацию насчет «советов повсюду» и пр., как ни к чему не обязывающую музыку будущего, отвлекающую внимание от действительного смысла тактики, усвоенной ныне коммунистами. И тогда станет очевидно: единственным подлинным мотивом неучастия коммунистов в правительстве является мотив, высказанный впервые секретарем партии Дюкло, но затем неоднократно повторенный всеми другими виднейшими вождями ее: коммунисты отказываются от вступления в правительство потому, что не хотят «вызывать панику» среди буржуазии. Это — единственно

подлинный мотив, но в то же время мотив, еще раз напоминающий (после беседы Сталина с Лавалем!) о том пагубном воздействии, которое оказывает политика советской диктатуры, заботящейся лишь о самосохранении, на все мировое рабочее движение: так как основная задача Сталина состоит сейчас в том, чтобы обеспечить франко-советскому пакту поддержку возможно более широких кругов Франции, и так как поддержала капиталистической буржуазии является для него сейчас особенно ценной, то французские коммунисты не хотят «наводить панику» именно на эту часть буржуазии, заранее толкают будущее правительство Народного Фронта в сторону умеренности и аккуратности, заранее стараются лишить его политику всякого революционного динамизма, Достаточно было читать избирательные афиши коммунистов, чтобы увидеть ту роль, которую они отводят себе в составе Народного Фронта. И это — в обстановке, которая делает революционный динамизм этого Фронта вопросом жизни или смерти пролетарского движения не в одной только Франции!

Но и тут только энергия, смелость и успехи нового правительства могут положить конец этой опасной игре коммунистов, заставив их либо войти в правительство, либо рисковать утратой той популярности, которую они приобрели крутым поворотом, проделанным ими после 6 февраля 1934 года. И в этом отношении большую положительную роль могут сыграть всевозможные внепарламентские формы организации массовой поддержки правительства Народного Фронта, без которых правительство это вряд ли сможет обойтись, принимая во внимание тот, неоднократно уже отмеченный выше, выходящий далеко за парламентские рамки ха-

зад социалистические группы. Ее положение лучше лишь в том отношении, что у нее много связей, точнее — симпатий в аппарате, и что она исходит из октябрьской революции, на основе результатов которой (положительных и отрицательных) развивается вся современная жизнь Советской России со всеми ее противоречиями. Но в общем приходится думать, что все коммунистическо-оппозиционные и социалистические группы сохранили и до сих пор — хотя и разной силы и веса — связи и симпатии на русских фабриках, в русском рабочем классе.

Первых, так сказать, настоящих русских социалдемократов я встретил осенью 1930 г. в Челябинской тюрьме. Вот при каких обстоятельствах.

Среди югославских коммунистов, находившихся на партийной работе (не в эмиграции) в Москве, возникла в 1928 году оппозиционная группа. В мае 1930 года основное ядро этой группы было арестовано и трое из нас (т. Станко Драгич, бывший член ЦК Югославской компартии, Мустафа Дедич, секретарь областного объединения профсоюзов в Герцеговине, и ч. бывший член Политбюро Югославской компартии) получили по три года тюремного заключения, а четвертый, тов. Стефан Хеберлинг, партийный работник из Воеводины (б. Южной Венгрии), был отправлен на 3 года в ссылку на Урал. В октябре 1930 г. тов. Дедича и меня повезли для отбывания срока из Ленинградского Дома Предварительного Заключения в Верхне-Уральский Политизолятор. По дороге нас задержали на две недели в Челябинской тюрьме. Через пару дней туда же прибыла группа русских социалдемократов, направленных из ташкентской ссылки в Верхне-Уральский Политизолятор. То были: 1) Израиль Соломонович Якубсонъ, 2) Ксения Сергеевна Куприянова, 3) Иван Григорьевич Рожковский, 4) Давид Жмудь, 5) Эсфирь Марковна Левина, 6) Ольга Аспис, 7) Дора Диамант-

штейн и 8) еще один товарищ (из молодежи), фамилию которого запомнил. Один из прибывших ташкентцев, 9) Илья Соколовский направился в другую ссылку, на Урал, и через день-два его увезли.

Первое, что нас с тов. Дедичем в прибывших социалдемократах поразило, — была их внешность: люди измученные, издерганные, исхудалые, явно недоедавшие, скверно одетые. Они выглядели так, как выглядели зачастую в Европе преследуемые коммунисты. И при всем том то были люди морально не подавленные, умственно живые. Это сразу создало между нами откровенные и искренние отношения. Мы были рады случаю узнать непосредственно от компетентных и коренных русских социалдемократов их мнение по столь многочисленным, большим и большим вопросам нашего времени. Они, со своей стороны, были рады встрече с новыми гостями изоляторов — иностранными коммунистами.

Прежде всего, мы информировали друг друга о своих «делах». Таким образом мы узнали, что они получили 3 года тюрьмы по обвинению, что 1) читали Социалистический Вестник и 2) посылали материальную помощь другим ссыльным социалдемократам (кстати сказать, безработным и находящимся на крайнем севере — в Обдорске, Нарыме, Туруханске, в то время как жившие в Ташкенте работу имели). Сейчас, в эпоху «полной победы социализма», за такие «преступления» в Советской России дают уже не 3 года тюрьмы, а 5 лет концлагеря — принудительных работ наравне с уголовными! Перед лицом такого «прогресса» как не стать оптимистом?

Прибывшие ташкентские с.-д. имели за собою уже 8-10-летний (теперь он достиг уже 13-15 лет!) стаж преследований со стороны ГПУ. Они побывали уже в концлагерях (Соловки), изоляторах (Верхне-Уральск, Тобольск, Челябинск), ссылке (Урал, Средняя Азия и проч.). Большинство из них ехало в изолятор уже вто-

рактер наступления, которое ведут фашистские армии французского капитализма.

Такова внутренняя обстановка прихода к власти правительства Блюма. Но еще гораздо сложнее и труднее обстановка внешняя. Правительство Народного Фронта приходит к власти тогда, когда капиталистическая буржуазия и ее дипломатия не только вочью обнаружили свою неспособность организовать коллективную безопасность, мир, разоружение и защитить членов Лиги Наций от самых варварских форм милитаристского насилия, но когда они привели Лигу Наций на край банкротства и когда их главной задачей становится уже не столько отпор торжествующему по всей линии воинствующему фашизму, итальянскому и германскому, сколько изыскание наиболее «приличных» способов капитуляции перед ними или, по крайней мере, перед одним из них (каким? — насчет этого интересны, а потому и мнения капиталистов различных стран расходятся) во имя превращения его в союзника против другого.

Об этой сложной и противоречивой международной обстановке и вытекающих из нее задачах французского правительства Народного Фронта придется еще не раз говорить. Здесь достаточно отметить, что та программа оживления Лиги Наций, коллективной безопасности, разоружения и пр., с которой вступает на международную арену правительство Блюма, может приобрести реальное, практическое значение лишь в том случае, если ее можно будет проводить в тесном и неразрывном согласии с правительствами Англии и Советского Союза, что предполагает не только радикальную смену правительства в Англии, но и радикальное изменение политики Сталинской диктатуры, которая, увы, и

на международной арене начинает играть по малой мере двусмысленную роль, все настойчивее высказываясь за прекращение «санкций» по отношению к Муссолини и отдачу ему на с'едение Абиссинии во имя той помощи, которую он может оказать в борьбе против Гитлера. Вне этих, только что указанных предпосылок, самое настойчивое проведение этой программы будет иметь лишь пропагандистское значение — в том смысле, что, выполняя необходимую задачу убеждения масс в том, что не социализм толкает их на войну, — оно не сможет ни на минуту задержать военное наступление фашизма. Таким образом, именно наиболее искренне и последовательно мирному правительству Блюма может выпасть на долю тяжелая задача ведения войны. Что, по всей складывавшейся во Франции обстановке, оно не сможет вести этой войны иначе, как под знаменем того активного пролетарского интернационализма, который получил свое выражение и в тезисах нашей партии, — это вряд ли надо еще доказывать. И вряд ли надо доказывать, что для полного успеха такой военной политики те радикальные изменения в политике Англии и Советского Союза, которых мы говорили выше, являются еще более необходимой предпосылкой, чем для успеха той политики мира, с которой правительство Блюма намерено честно и последовательно начать свою международную работу.

Но, как бы ни сложились обстоятельства, самый приход к власти правительства Народного Фронта ставит перед нами задачу: будет ли все настойчивее ставить и внутри страны, и на международной арене тот самый вопрос — капитализм в его фашистской форме или социализм, как единственно ныне возможная основа демократии? — разрешен

рой раз. Независимо от всяких политических расхождений, нельзя не отнестись с уважением к людям, способным перенести и переносить все это. Да, не худшая часть меньшевиков осталась в российской социалдемократической партии...

Но очень много ценного и интересного дала нам и политическая информация и беседа на текущие и острые политические темы: индустриализация, коллективизация, фашистская опасность (в Германии только что прошли тогда сентябрьские выборы 1930 г., так ярко показавшие наличность этой опасности), как и беседа об общих проблемах и уроках русской революции. Услышав подлинное изложение взглядов русских социалдемократов, приходилось, и не разделяя этих взглядов, сказать: как много лжи, передержек и клеветы в изображении этих взглядов в официальной коммунистической печати, пользующейся монополией легальности в стране!

По человечески приятно было видеть, как люди, уже десяток лет переходящие из тюрьмы в тюрьму, не потеряли способности политически реагировать на все текущие события и увязывать их с общими концепциями, своими и чужими. Особую живость ума и глубину анализа происходящих в России социально-экономических процессов проявлял, как мне кажется, Якубсон. Он с Рожковским представлял левое, мартовское крыло с.-дем.; Жмудь и товарищ из молодежи (фамилию которого точно не помню) — правое крыло; женщины занимали более или менее примиренческую, центральную позицию. Интересная деталь: тов. Рожковский служил в гражданскую войну, до 1921 г., в Красной Армии «чл мобилизации ЦК РСДРП». Из этой серии фактов еще один: позже в Енисейской ссылке, я встретил двух социалистов-сионистов, тт. Бернштейна и Пфефермахера, награжденных за проявленный в гражданской войне ге-

роизм орденами Красного Знамени... Вот какие «контр-революционеры» наполняют сегодня советские ссылки, тюрьмы и концлагеря (тов. Рожковский теперь в концлагере)! Что среди коммунистов-оппозиционеров имеются сотни участников гражданской войны и десятки награжденных орденом Красного Знамени, — это само собою понятно...

Пока мы ожидали в Челябинской тюрьме перевода в Верхне-Уральск, прибыл еще один спутник — анархист Сергей Тужилкин, получивший 5 лет изолятора. То был молодой рабочий-электромеханик, живший и работавший в Челябинске и заведывавший тут анархистской типографией (нелегальной, конечно: другой в советской «демократии» и быть не может). За это ему дали 5 лет изолятора. Из его рассказов видно было, что работа у анархистов идет довольно живо, что в связи с границей у них должны быть недурные, так как в его типографии печаталось сравнительно много заграничного анархистского материала. Из рассказов его о внутренней идейной и организационной жизни узнал о растущей у советских анархистов тенденции к созданию централизованной и дисциплинированной организации. Позже я имел возможность узнать и более точно о целой группе анархистов, стоящих за «анархистскую партию», даже за переходное государство (или «полугосударство»). Большинство русских анархистов все-же отвергает эту ревизию классического анархизма.

В Челябинске-же мы встретили несколько групп русских социалдемократов (в том числе бывшего секретаря тифлисского комитета партии Пахшвили) и одного армянского социалиста-дашнакцутяна. Они ехали из Верхне-Уральска, по окончании срока заключения, в ссылку, в Сибирь. Они и информировали о порядках и условиях жизни в Верхне-Уральске.

ние которого и составит историческое содержание надвигающейся эпохи. Это должен понять весь международный социализм. Он должен понять, что приход к власти правительства Блюма означает, что не только Франция, но весь капиталистический мир, по крайней мере — весь европейский капиталистический мир, стоит на пороге новой, решающей эпохи, что победа правительства Блюма будет победой всего международного пролетариата, как его поражение общим поражением всего мирового социализма. Весь международный социализм должен почувствовать правительство Блюма, как свое правительство, как свой собственный авангард, выдвинутый на самый опасный, но и самый решающий пост. Обезволивающему скептицизму, мелочной и парализующей активности трезвенности теперь не место и не время. К «французскому эксперименту» надо подходить с теми большими масштабами, которых он требует по своему историческому значению.

Демократия и самостоятельность масс

Медленно подвигаются вперед работы комиссии по реформе конституции СССР. В «Правде», от 17 мая опубликовано сообщение о том, что Конституционная Комиссия окончательно утвердила текст проекта конституции, представленный Редакционной Комиссией, и постановила этот проект, состоящий из 13 глав, внести на рассмотрение ближайшей сессии ЦИК СССР. В газетах сообщено лишь короткое перечисление названий всех 13 глав, и нет ни слова о их содержании. Так в тиши кремлевских канцелярий в строжайшем секрете проте-

Для его успеха должен быть мобилизован социалистический пафос и революционная воля всего Социалистического Интернационала и всех стоящих за ним пролетарских масс.

Ф. Дан.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЯ ФРАНЦУЗКИМ ТОВАРИЩАМ.

После одержанной французскими социалистами избирательной победы Заграничная Делегация РСДРП отправила французским товарищам, за подписями Ф. Дана и Р. Абрамовича, следующее приветствие, напечатанное в «Попюлер» от 7 мая:

С чувством радости и гордости поздравляем вас с блестящей победой. Избирательный триумф Народного Фронта во Франции является прямым результатом вашей настойчивой и умелой борьбы за рабочее единство и демократию. Надеемся, что вышедшее из избирательной победы правительство Народного Фронта преградит дорогу мировому фашизму и отметит собою решающий поворотный пункт в борьбе рабочего класса против войны.

кает работа, долженствующая «осчастливить сюрпризом» 160 миллионов советских граждан!

Конечно, все главы, трактующие основные вопросы государственного устройства СССР — очень важны. Но наибольшую важность, по нашему мнению, имеет, даже не глава об избирательной системе (XI), а глава, определяющая основные права и обязанности граждан (X). Наилучшая избирательная система может быть сведена к фиктивному, формальному праву, если новая писанная и неписанная конституция не обеспечит основ-

Наконец, 7 ноября нас — двух югославов, 8 социал-демократов и анархиста Тужидкина — перевезли в Верхне-Уральск, в Политизолятор. Это — большая тюрьма посреди голой степи, бывшая при царизме военной тюрьмой. Трехэтажное здание с камерами для 1, 2, 6 и 12 человек. Первый этаж страшно холоден. Камеры заперты. 4-5 камер составляют одну прогулочную группу (25-30-35 человек). Связь с остальными заключенными поддерживалась лишь нелегальной почтой (которая функционировала сравнительно хорошо). Социалисты всех партий — русские с.-д., грузинские с.-д., левые эсеры, несколько сионистов, правых эсеров и максималистов — и анархисты жили в своих камерах, составляли особые прогулочные группы (2-3) и особый «социалистическо-анархистский» сектор (50-80 человек). Коммунисты — оппозиционеры жили в других камерах и составляли опять-таки особые прогулочные группы (7) и особый коммунистический сектор (140-180 чел., из коих 120-150 троцкистов и 20-30 сторонников более радикальных течений: децистов, т. е. членов группы демократического централизма, рабочей оппозиции, мясниковцев). Питание в изоляторе неважное: плохого качества, да и количество часто недостаточное. Отсутствовали овощи. Два раза в год выдавали по куску белого хлеба (1 мая, 7 ноября). Зимой не выдавали достаточно теплой одежды и обуви. Из-за этого получался не только ряд конфликтов, но и ряд заболеваний. Службу надзора в изоляторе несла особо вышколенная группа гепеу-ров. Черную работу (уборка здания кроме камер, приготовление пищи, стирка белья и т. п.) выполняла группа уголовных.

Из русских социалдемократов, которых мы нашли в изоляторе, помню Череванина и Цедербаума-Дневницкого (б. секретаря Плеханова). Вскоре увезли в Челябинский изолятор Рожковского, Якубсона и Куприянову (оттуда в 1933 году, по окончании

срока заключения, они были отправлены в ссылку. Куприянова и Якубсон и посейчас находятся в ссылке в Минусинске, Рожковский-же снова был арестован и отправлен в концлагерь, где ныне и пребывает). Дора Дьяманштейн была досрочно освобождена из-за болезни находящегося в ссылке мужа. Прибыло несколько новых с.-д., в том числе брат Якубсона и молодой Ройзман (последний из Ярославского изолятора).

Русская с.-д. группа (10-15 человек) издавала свой журнал (писанный от руки). Помню следующие статьи: 1) «О социальной опоре большевистской диктатуры в различные периоды ее существования», 2) «Итоги пятилетки» (статья, исходившая от правого крыла группы, отрицала наличность серьезных экономических успехов, ее эпиграфом было «гладко писано в бумаге, да забыли про овраги...»), 3) «О коллективизации в сельском хозяйстве» (результаты коллективизации оценивались, в общем, положительно), 4) «Гитлер у власти» (причину победы фашизма в Германии автор видел в отсутствии единого фронта). Темы и характер статей говорят о том, что взгляды с.-д., находящиеся в России и пребывающих в эмиграции, развиваются параллельно, в том-же духе. То же наблюдается и у других групп (троцкистов, анархистов и др.). Существует, следовательно, определенная закономерность в развитии различных групп и их реагировании на происходящие события: идейная эволюция протекает в основном одинаково у оторванных друг от друга частей тех-же групп.

В 1931 году летом прибыли в Верхне-Уральск главные герои так наз. «меньшевистского» процесса «Социалистического Бюро» (Громан, Суханов, Иков, Шер, Гинзбург, Рубин и др. — всего с десятков человек). ГПУ держало эту группу в строгой изоляции от прочих заключенных и разместило их в тюрьме так, чтобы они и между собою имели возмож-

ных прав трудящихся на свободную самоорганизацию. Сущность будущей конституции СССР определится в наибольшей мере тем, как разрешат советские реформаторы эту проблему.

Будут ли предоставлены населению СССР, которое Сталин и Молотов склонны рассматривать в настоящее время, как единый класс трудящихся, право на свободную самодеятельность и право на организацию политических партий и объединений по защите своих профессиональных и культурных интересов? Ибо только при этом условии могут быть созданы и истинная демократия и истинная свобода трудящихся. Только при этом условии можно обеспечить и удовлетворение насущных нужд рабочих и крестьян и нормальное функционирование госаппарата и защиту населения от произвола и бюрократизма высших и низших агентов власти.

Самодеятельная работа, творческая инициатива, самоорганизация могут совершать в кратчайший срок буквально чудеса.

Последние дни принесли некоторую иллюстрацию этого нашего мнения. Пять дней советские газеты сообщали нам интересные и поучительные отчеты делегатов «совещания жен командиров промышленности» и восторженные оценки успехов этого движения со стороны высших руководителей государства.

Это движение*), вернее формы ему приданные, вы-

*) В совещании приняли участие около 1.500 делегатов. Возраст 76,5% участников до 35 лет. Большинство получило высшее и среднее образование — 79,9%, в советских Вузах

зывает много недоуменний. Почему в этом движении могут принимать участие только женщины? Почему женщин оно охватывает не по признаку их общественной полезности и активности, а по своеобразному признаку — ж е н а, по признаку, не имеющему ничего общего с традициями революционного движения? И почему право на участие в этом движении, несмотря на то что оно с решительностью отвергает филантропию, имеют жены, главным образом, директоров и инженеров, жены рабочих остаются где-то на втором плане, в качестве привлекаемых объектов, а не равноправных и активных членов?

Но оставим сейчас все эти несуразности в стороне — тем более, что они освещены уже в прошлом номере «С. В.», в статье С. Шварца, — нас, на этот раз, интересует существо этого, хотя и нелепого по названию и форме, но интересного по результатам, движения.

Когда внимательно ознакомишься с этим движением, то наибольший интерес вызывает одно обстоятельство. В чем сила их успеха? Ведь не выдумывают же советские органы и полторы тысячи участников совещания, когда сообщают, что в течение нескольких месяцев, в сотнях заводов «жены» открыли образцовые столовые, птицефермы, организовали рабочие и комсомольские общезития, детские сады, пионерские лагеря, библиотеки, кружки по гигиене и санитарии, курсы немецкого и английского языков, ликвидируют неграмотность и беспорядочность, устраняют препоны при постройке

и Втузах — 70,9%. В составе участниц лишь 8,9% жен рабочих. 92,4% всех делегатов — беспартийные.

меньше сношений. Видимо, ГПУ чего-то боялось... боялось, как бы эти печальные герои не вскрыли секрет процесса...

Для всех нас, политических заключенных изолятора, знавших уже, как фабрикуются так наз. «вредительские» процессы инженеров и др., знавших политические позиции русской социалдемократии, да и просто проживших в России, не было ни на минуту сомнения в том, что весь процесс «Бюро» представляет собою чудовищную махинацию, ложное самообвинение одних, бесстыдную клевету других. Мы знали также, что двух привлеченных к делу — с.-д. Броунштейна и б. старого большевика Базарова (русский переводчик «Капитала» Маркса, с 1917 года беспартийный), наотрез отказавшихся играть роль послушных марионеток сталинского ГПУ, вывести на процесс ГПУ так и не посмело, а расправилось с ними обычным, чисто административным порядком, без всякого суда. Уже одно это обстоятельство убедительно говорило всякому беспристрастному человеку, даже совершенно незнакомому с нынешним состоянием России, не только о хорошо рассчитанной «осторожности» ГПУ, но и о лживой и подлой сущности всего процесса. Но как низко должна была пасть революция, как чуждо социализму общество, где возможны такие процессы!..

Но, вопреки бдительности ГПУ, вопреки запуганности самих жертв его, кое-какие связи с осужденными по процессу «Бюро» наладились. Невозможно сидеть месяцами и годами в том-же изоляторе, в полной оторванности от внешнего мира, и не пойти на связь с другими камерами. Человек, все-же, животное общественное... На вопрос, как могли они выступать на процессе с такими явно лживыми обвинениями и самообвинениями, я получил от них в ответ: «мы и сами не понимаем, как мог получиться такой кошмар...» От товарищей я узнал, что кое-кто из них писал о применении физических пыток в виде содержания в камерах, где температура то доводилась до невыносимой жары

(40 градусов), то спускалась глубоко ниже нуля. Скорее всего, их обрабатывали излюбленными ГПУ комбинациями психо-физическими приемами, с применением которых к инженерам (чтобы добиться признания во вредительстве) я имел случай ознакомиться в ленинградской тюрьме. «Меня держали 5 месяцев в одиночке — рассказывал мне в Ленинграде один из «старых» — держали без газет, без чтения, без курева, без передач, без свиданий с семьей; я голодал, мучился одиночеством; от меня требовали признания во вредительстве, которого не было; я отказывался признать на себя преступления, которых не совершал; но мне говорили: если я действительно за сов. власть, как я это утверждаю, то я должен доказать это на деле. Сов. власти нужны мои признания... За последствием бояться не должен, советская власть учтет мое чисто сердечное признание и даст мне возможность работать и работой загладить свой грех. Я сразу-же получу свидания с семьей, передачи, прогулку, газеты. Если же буду упорствовать и отмалчиваться, меня подвергнут беспощадной расправе, и не только я, но и моя жена и дети будут подвергнуты репрессиям... Я месяцами не сдавался, но потом стало так невыносимо одиноко, что, казалось, хуже ничего быть не может; мне во всяком случае все стало безразлично. Я подписал все, что требовал следовать...» Социалдемократическая группа изолятора выпустила декларацию против процессников и бойкотировала их.

Вот как организуются процессы в нынешней России. Но, конечно, основную причину возможности подобных процессов и подобного поведения людей нужно искать в общем состоянии общества, в его моральном разложении, в потере всякой идейности, всякой стойкости. «Революция материализовалась», — писал про однопольный этап вырождения французской революции Мишлет.

А. Цицига.

(Окончание следует).

больниц, школ, достают средства на проведение дорог, мостовых и озеленение районов И достигают положительных результатов!

То, что не сумели сделать за многие годы Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомпищпром, ОРС-ы и прочие государственные и полугосударственные учреждения, несмотря на миллиардные ассигновки и армии специалистов, оказалось по силам, по сведениям советских же органов, нескольким десяткам женщин. Почему?

Ну, конечно, некоторую роль в успехе работы «жен» играет то обстоятельство, что во главе этого движения стоят жены директоров и инженеров: им относительно легко устранять бюрократические преграды. Но это обстоятельство всего не объясняет.

Разве, напр., органам профсоюзов не было обеспечено все содействие и директоров и исполкомов и парторганов, а их деятельность в области обслуживания культурно-бытовых нужд масс — главная их сейчас функция — дает ничтожные результаты.

И разве не так же бессильны остаются все рабкрины, советские контроли, летучие бригады и все эти квазиобщественные организации, наделенные богатым арсеналом кар и наград!

Нет! Причины успеха движения «жен», положительные результаты их работы — в том, что это движение таит в себе, хотя и в уродливом, хотя и в зачаточном виде, элементы самодетельности и небюрократизированной общественности.

Недостаток места не позволяет нам привести отрывки из десятков отчетов, рассказывающих о том, сколько инициативы и творчества приходилось проявлять «женам» для того, чтобы преодолеть «сопротивление тугоголовых чиновников и профсоюзных бюрократов». Для того, чтобы добиться чистоты и порядка в яслях, больницах и общежитиях, «жены» неделями сами мыли и наводили порядок в этих учреждениях. Для того, чтобы сделать заводские столовые рентабельными, а еду в них дешевой и питательной, «жены» сами организовали приготовление разнообразной пищи. Одна из делегатов на прямые вопросы смущенно объясняет, что дешевизна обедов в столовых, организованных «женами», объясняется тем, что они сами заготавливают продукты, старательно обходя все государственные и налоговые органы.

«Я веду работу в глуши тюркских деревень среди самых отсталых женщин, — говорит одна из делегатов Лейла Кулиева, — когда нет грузовых машины, я иду туда пешком. В холод и ветер я шла через горы, но усталости я не чувствовала, потому что я сознавала, что делаю большое дело, стремлюсь сделать тюркских женщин немножко культурнее. И на моих глазах, через 2 месяца, они становились неузнаваемыми».

Силу и сущность движения прекрасно определила одна из его руководительниц — Ев. Весник. «Нас хотят к кому-нибудь прикрепить. Мы просим нас не прикреплять ни к одному из учреждений. Наша сила именно в том, что мы не часть бюрократического аппарата, что мы работаем добровольно, каждый там, куда его тянет... От нас требуют протоколов заседаний. Но мы не ведем протоколов. Мы лишь вкладываем в дело всю свою душу... Поэтому то наша инициатива подхвачена сейчас на сотнях заводов...»

Сказано очень хорошо и верно! Сила этого нового движения именно в самодетельности. В уродливой, парадоксальной форме инициатива живых активных людей просочилась через все препоны и, используя «чуждость» Орджоникидзе и либеральный излом нынешней политики Сталина, она выявляет себя сегодня в виде движения «жен», завтра в какой-нибудь иной новой форме.

В высшей степени характерно, что на первых стадиях «движение жен» было встречено начальством недоброжелательно. Не ко двору оно в советской бюрократической системе. Ну, как может Наркомпрос примириться с тем, что «жены», ломая всю систему, создают школы и курсы? Может ли вытерпеть Наркомздрав, что появляются клиники и амбулатории, находящиеся вне его ведения? И каково положение Совконтроля и профсоюзов, когда «жены» вскрывают бесхозяйственность и некультурность в учреждениях, благополучно прошедших через контроль и ревизии госпроф органов?

Но широкие массы не могут не видеть, что небюрократизированное движение «жен» работает иными методами, чем госорганы, и что вся их работа согрета горячим интересом и инициативным творчеством. Более того, как бы «живой водой» оказываются окроплены даже государственные учреждения, попавшие под контроль нового движения.

Мы, социалдемократы, в своей оппозиции большевистской диктатуре, не раз утверждали, что госаппарат, тем более аппарат диктатуры, не может обслужить разнообразно всех нужд населения, что множество потребностей гораздо лучше будут удовлетворяться добровольными общественными организациями. Мы доказывали, что и самый госаппарат сможет работать небюрократически только в том случае, если кроме ведомственного контроля он будет находиться под постоянным и бдительным контролем свободных организаций трудящихся.

И, наконец, мы доказывали, что трудящиеся для защиты своих политических и профессиональных интересов нуждаются в праве на образование партий, профсоюзов и других самодетельных организаций.

Нас за это обливали потоками клеветы, тысячи наших товарищей за эти свои взгляды томятся в тюрьмах и ссылаемые долгие годы.

Движение «жен» на мелочах бытовой жизни показывает, какие великие возможности таит свободная самодетельность масс.

Мы не знаем, не будет ли движение «жен» лишь коротким эпизодом, не обуздают ли его, напуганные слишком большой самодетельностью, директора м у ж ь я, не переродится ли оно в обычную советскую чиновничью квазиобщественность, не будет ли оно, наконец, коррумпировано почетом, орденами и наградами. Но теперешние успехи движения «жен» несомненно прекрасная агитация «показом» за свободные самодетельные массовые организации.

Сейчас, под влиянием внешнеполитической опасности, советская власть делает попытку демократизации режима и примирения с трудящимися. Населению будут к концу года «дарованы» права участия в выборах центральных и местных властей. Но реформа конституции останется мертвой, если трудящиеся не получат права на самодетельные организации. Речи Сталина и Молотова о предстоящей реформе не оставляют сомнений, что существование других партий, кроме ВКП, не будет допущено. И так же ясно, что действительную самодетельность трудящихся, даже в вопросах быта и культуры, власти не предполагают допустить. Критика должна быть ограничена лишь мелкими вопросами быта и лишь только в отношении местных властей.

Задача активных элементов рабочего класса, и в первую очередь задача организаций социалдемократов, в том, чтобы своевременным давлением на власть, воздействием на нее через все шели оказанных форм рабочей общественности добиться расширения самодетельности. Призывы к борьбе за рабочую демократию должны раздаваться на всех совещаниях, при обсуждении ставок и норм выработки, при всех выборах в проф-

союзные и другие организации. Все формы так называемой «советской общественности» должны быть используются для того, чтобы личным примером, своею инициативной творческой работой вести агитацию за расширение прав свободных рабочих организаций. Работа наших товарищей, самоотверженная, вся проникнутая интересами пролетариата, одухотворенная и инициативная, будет лучшей формой пропаганды того, что могут сделать в интересах масс их самостоятельные организации и в мелком, и в крупном.

Практика ежедневной жизни будет часто поднимать частные, местные вопросы до их политического обобщения. Здесь, в этих организациях возможности для нашей борьбы за демократизацию всего режима.

А. Югов.

Майские заметки

Постановление ЦИК'а от 14-го мая «о награждении работников Наркомата Оборона и Наркомвнудела СССР, обеспечивших образцовый порядок при проведении первомайского парада», наводит на невеселые мысли. Когда-то 1-му мая и в Советском Союзе были присущи черты международного пролетарско-революционного праздника. Но это прошлое быстро забывается. Младшее поколение советской молодежи, начавшее жить сознательной жизнью в самые последние годы, знает об этом лишь из скучных казенных учебников политграмоты, но до сознания его мысль о первом мае, как о международном и пролетарском празднике доходит плохо. Процесс изменения лица майского праздника протекает у нас быстро, и для советских юношей и подростков, выросших в сталинскую эпоху, первомайский праздник реально это прежде всего национальный и военный праздник, в лучшем случае, может быть, праздник официально-народный. Но еще никогда этот своеобразный характер майского праздника не проявлялся так резко, как в этом году.

Повсюду организаторы майского праздника стремились — и с полным успехом — придать ему прежде всего и больше всего характер военного парада. Там, где военных сил для этого не хватало, организованы были военно-подобные части из среды гражданского населения: в Сталинабаде «лаваина колхозников - кавалеристов в стремительном галопе мчится по площади»; в Иванове «демонстрацию открыла колонна красных партизан и осовавиохимовцев»; в Сталинграде «вместе с регулярными воинскими частями в параде участвовали эскадроны воршиловских всадников — казаков и калмыков» и т. д., и т. д. В самой Москве воинский парад и прохождение воинских частей по Красной площади продолжались несколько часов. Многочисленные — и частью превосходные — снимки в советских газетах очень ярко и наглядно показывают военный характер майского праздника.

Что-то совсем почти не слышно было на этот раз об иностранных «рабочих делегациях»; повидимому, в этом году для организации такого рода «делегаций» решено было ничего не предпринимать. Те, что приехали, приехали как бы самотеком и состояли главным образом из «интуристов». Отчет «Правды» упоминает о рабочих делегациях лишь мимоходом в нескольких незначительных строках. И не случайно, конечно, «Правда» «забыла» показать эти делегации среди многочисленных снимков броневых, авиационных, кавалерийских и прочих воинских частей, которыми пестрят отчеты о майском празднике.

Зато особое внимание было оказано на этот раз ино-

странным «делегациям» совсем другого порядка. На приглашению начгенштаба Егорова к майским праздникам прибыли в Москву начальники штабов Латвии, Литвы и Эстонии. Праздник произвел на них превосходное впечатление.

По случаю майского праздника «в огромных залах Кремлевского дворца» состоялся прием и обед для «участников первомайского парада». Кто эти «участники»? «Лейтенанты, капитаны, майоры, полковники, мандиры всех званий и всех родов войск». Товарищи офицеры веселились во всю. Тосты в честь «любимых вождей» сменяли друг друга. Овации носили «бурный» характер. «Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски» выступал со своими лучшими номерами.

Ко всему этому советские граждане почти привыкли. И все же даже и в этой обстановке декрет 14-го мая для огромного большинства явился, вероятно, неожиданностью. «За организацию и проведение образцового парада (авторы декрета не совсем в ладах с грамматикой) в день первомайского парада и демонстрации 30 московских воинских, милицейских и геппуровских начальников награждаются орденами. (А разве этому «парадку» что-либо угрожало? Или, может быть, в рабочих колоннах, часами ожидавших, пока до них дойдет очередь демонстрировать свою «безграничную любовь к вождю», не все было так благополучно?). Начальники штабов Латвии, Литвы и Эстонии прочли, вероятно, этот декрет с большим интересом.

С точки зрения начштабов наших прибалтийских соседей все это очень хорошо. Что есть иные — и более верные — пути упрочения военной сопротивляемости страны, им, конечно, невдомек. Чего и требовать от начальников штабов полу-фашистских государств? Но от руководителей компартии, стоящих во главе гигантской революционной страны, можно было бы, хотя бы перед лицом растущей военной опасности, требовать понимания значения апелляции к революционным социальным и экономическим стремлениям широких трудящихся масс прежде всего рабочего класса. Теоретически это, вероятно, в Кремле сознают. Но внутренняя законсервированность перерождающейся диктатуры душит это сознание, обрекает его на бесплодие.

Декрет 14-го мая останется печальным памятником нашей эпохи.

С. Ш.

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания:

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 франц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герман. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 20 франц. фр.
6. „LE COMBAT MARXISTE“ — ежемесячный журнал, цена за год — 10 фр.
7. „LA BATAILLE SOCIALISTE“, цена за год — 10 фр.
8. „LA GAUCHE REVOLUTIONNAIRE“, цена 10 №№ — 5 фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.

ПАРТИННАЯ ТРИБУНА

БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО.

Борьба с расколом и за восстановление единства пролетарского движения имеет уже солидный возрастной стаж. И когда перелистаешь накопившуюся за годы борьбы литературу, то убеждаешься, что, в сущности, все слова давно сказаны, ибо «вечны» слова о необходимости единства и неизменным осталось то, что этому единству противостоит.

«В мировом пролетариате зреет воля к единству. Слишком дорогой ценой заплатил он за годы раскола... Ослабленный расколом пролетариат был отстранен буржуазией от влияния на судьбы войны и мира... Перед лицом наступающей сомкнутом строем буржуазной реакции каждому европейскому рабочему становится ясным, что только в объединении всех пролетарских сил залог успеха его классовой борьбы с буржуазией» и т. д. Откуда это? Из воззвания Петроградского комитета нашей партии «К единству пролетариата» от февраля ... 1922 года («С. В.» № 6 за 1922 г.).

Разве это хоть сколько-нибудь устарело? Много ли нового сказано с тех пор? Необходимость, жизненная необходимость единства пролетариата видна была и 14 лет тому назад, как очевидно и сейчас.

Что же мешало этому единству? Что стояло поперек пути этому движению за восстановление единства, возглавлявшемуся тогда нашим Венским Интернационалом?

«Образование действительного пролетарского единого фронта, какого требуют интересы революционной классовой борьбы пролетариата, удастся лишь в том случае, если споры между пролетарскими партиями будут вестись исключительно идейными средствами, а не будут отравляться тем, что ода пролетарская партия пускает в ход против других террористические средства борьбы».

А это откуда? Из декларации Венского Интернационала, прочитанной на 1-ом заседании Конференции Исполкома трех Интернационалов 2-го апреля 1922 года в Берлине («С. В.» № 7 за 1922 г.).

Много ли изменилось и здесь? Увы, не очень много. «Неразрешенность этой проблемы, пишет т. Дан, заканчивая свои фельетоны о единстве, — и является главной причиной заминки в ходе восстановления организационного единства — во Франции. — Ибо пока она не получит хоть начала разрешения, движение единства не получит интернационального размаха» («С. В.» № 4 за 1936 г.).

Почти два десятилетия, прошедшие со времени окончания войны, наполнены мучительными судорогами европейского социализма в борьбе за единство. За это время торжествующий фашизм успел разгромить рабочее движение Италии, Германии, Австрии, Польши, Латвии, Эстонии и др. За это время обильно орошено пролетарской кровью пол-Европы, но «не-разрешенность этой проблемы» — проблемы большевистской диктатуры, все продолжающей «в той же позе сидеть», обрекает на неизбежный провал все попытки восстановить это единство. Захлебываясь от самодовольства в своей тупости и национальной ограниченности, выступающий на европейской арене под псевдонимом Коминтерна, Сталин ставит движению единства непреодолимые препятствия. И отсюда та, похожая на кризис, «заминка», которую движению к единству переживает сейчас во Франции, в той единственной стране, где опыт единого фронта был проделан на деле и с таким блестящим успехом для обоих контрпартнеров и для общих их целей.

***

Как известно, до 1932 года политическая мудрость Сталина и Коминтерна заключалась в лозунге: «главным врагом остается социалдемократия», в соответствии с чем германская коммунистическая партия призывала поддержать «красный плебисцит» Гитлера против соц.-демократического правительства Пруссии. «Блестящие» результаты этой тактики германские пролетарии и весь мир хорошо чувствуют и по ныне и еще долго чувствовать будут. Ибо как бы ни велики были ошибки германской социалдемократии, — она никогда не ослабляла и не приостанавливала своей борьбы с Гитлером во имя борьбы с коммунизмом. Указания социалистов, что «главным врагом» является Гитлер, успеха у Коминтерна не имели. «Меньший враг» — Гитлер — наконец победил. Германские пролетарии были преданы огню и мечу.

Однако, и этот удар гитлеровского копыта не прошёл медленного лба Сталина. 19 февраля 1933 года, после гитлеровского разгрома Германии, Бюро РСИ заявило в своем воззвании,

что «РСИ всегда выражал готовность вступить в переговоры с Коминтерном о совместной борьбе, лишь только Коминтерн заявит о своей готовности к этому» («С. В.» № 4-5 за 1933 г.). В марте того-же года Административная комиссия РСИ подтверждает это воззвание и, добываясь переговоров с Коминтерном, рекомендует всем примыкающим партиям ставить переговоры о едином фронте в зависимости от переговоров между обоими Интернационалами. 19 марта 1933 г. «Исполком РСИ констатирует, что лишь переговоры между обоими Интернационалами, как таковыми, могут привести к искреннему и честному соглашению о совместных действиях в защите против фашизма и капиталистической реакции» («С. В.» № 6-7 за 1933 г.). В ответ на все эти обращения РСИ получил «изящную словесность» Бухарина, Радека и Заславского. Но, вот, наступает историческое 6 февраля 1934 г. в Париже. Подражая пожару Рейхстага, неудачливые кандидаты во французские Гитлеры выпустили свою свору для поджога Палаты. Следуя лучшим заветам недавних германских дней, французские коммунисты поддержали этот «красный внепарламентский акт» против «кровавого Даладье», с которым они столь «братски» сейчас обнимаются.

Но пролетариат Парижа, подлинный французский пролетариат, а не те знаменитые коминтерновские «революционные массы», которые мерещатся воображению тов. Доманевской, пошел не за коммунистами на пляс Конкорд, а за социалистами на пляс Републик. Французский социализм возглавил могучую народную волну против фашизма и за единство, и гг. Кашену и Торезу пришлось срочно выхлопотать у Сталина согласие на присоединение. Казалось, Сталин, наконец, уразумел смысл происходящего, к великой радости не только Литвинова и Тухачевского, но и всего международного пролетариата. Казалось, речи Димитрова на 7 конгрессе Коминтерна ставят крест над всей прежней тактикой Коминтерна и дают основание рассчитывать на скорое преодоление раскола. Не тут то было. Сталин оправился от испуга, Литвинов удачно комбинировал в Женеве свои дела с буржуазными правительствами Европы, и международный социализм оказался «за ненадобностью» отставленным. Коминтерн перешел к другой тактике — тактике «использования».

Но и эта тактика совсем не нова: все это уже было. Коммунисты должны использовать движение масс к единству, чтобы руками социалистов сделать то, что им самим не под силу, но отнюдь не беря на себя ответственности за это. Таков первый акт коммунистов, наблюдаемый нами в эти дни во Франции. Истекая любовными излияниями по адресу французских социалистов и Блюма, они одновременно отказываются вступать в правительство Народного Фронта, «оберегая это правительство от своего собственного тлетворного влияния». Песни любви с камнем за пазухой... Как не узнать в этом лучшие традиции «нашего великого» Сталина?.. Социалисты должны быть использованы в этом их порыве к единству, поскольку это требуется для поднятия обороноспособности Советской России, но незыблемы должны при этом оставаться основы диктатуры во всей красе ее. Вот почему, когда наши товарищи в России из своей ссылки и из своих тюрем приветствовали единый фронт во Франции, — их немедленно свергли в узилище: их голоса не должно быть слышно, независимо от моральной ценности этого голоса для дела объединения. Вот почему наша подпись под воззванием семи партий об единстве была большевиками тщательно вытравлена и от рабочих России скрыта: Российская социалдемократия должна молчать, ибо на молчание обречен весь пролетариат России. Точное повторение старой тактики 1922 года.

«Хитрый» план — воспользоваться горячим чувством международной пролетарской солидарности, чтобы под ее флагом проглотить контрреволюционный груз партийной диктатуры, ничем, кроме постыдного провала кончиться не может», писал т. Дан, в статье «Единый фронт и III Интернационал» («С. В.» № 6 за 1922 г.). Провалом этот «хитрый» план тогда и кончился, на провал он обречен и сейчас. Сообразно этому плану, начиная с середины 1934 года, Коминтерн и отдельные коммунистические партии настойчиво предлагают РСИ и его секциям единый фронт. Однако, в обращениях Коминтерна нет уже речи об установлении такого общего международного фронта борьбы, как это имеет место во Франции. Нет, речь идет об отдельных соглашениях для отдельных актов: Испания, борьба с фашизмом «в странах капитализма», борьба за мир. Предложения эти систематически отклонялись РСИ, несмотря на протест меньшинства. Две тактики борются в РСИ по вопросу о единстве.

**

Героический период большевистской революции с его философией «грабь награбленное» в большинстве пролетарских партий Зап. Европы вызвал только отталкивание, особенно сильное в англо-скандинавских странах. Им — этим принципиальным реформистам — такая философия и практика «социальной революции» только послужила доказательством их правоты. Претензия же Коминтерна с его 21 пунктом на руководство миром вызвала острейшее возмущение. Но, вот, кончились эти героические дни, наступили будни русской революции. «Грабь награбленное» сменилось бухаринским «обогатитесь», «мировой пожар раздуем» — вступлением в Лигу Наций, отмена буржуазных дензнаков — активным торговым балансом, уравниловка — социальной дифференциацией и т. п. Появились маршалы, выпушки, мундиры. Появился лучший в Европе воздушный флот и собственные автомобили. Оказалось, что танки и аэропланы, сталь и железо, химию и алюминий может российская земля сама рождать. Советский Союз стал великой державой, советский меч — гарантом мира и стабилизации Европы, советская подпись — драгоценным документом и советский вексель — полноценным золотом. Авторитет Советского государства поднялся очень высоко. Советская дружба никаких англо-скандинавов больше не шокирует, и не только лейбористов, но и крутолобых консерваторов. Казалось бы, эти англо-скандинавы, эти степенные реформисты, должны сейчас с удовольствием сесть за общий стол с большевиками; казалось бы, с их стороны ничто теперь больше не противостоит встрече с Коминтерном. Не тут то было. Теперь эти англо-скандинавские партии не видят нужды и смысла заседать с этим Коминтерном, акции которого, с подъемом советского государства, так сильно пали: они предпочитают непосредственные переговоры с советским правительством...

Правда, после гитлеровского разгрома Германии и англо-скандинавы испугались грядущего фашизма. Последовало известное обращение РСИ от февраля 1933 г. Но когда, спустя год, волна французского фашизма, разбившись о скалу французской демократии, начала явно спадать — прошел и испуг РСИ. Вернее — этот испуг родил прямо обратную теорию. Если после наступления Гитлера надо было во имя борьбы с фашизмом срочно организовать единый фронт с коммунизмом, то после отступления де ля Рока оказалось необходимым во имя этой же цели срочно размежеваться с ним: в противном случае де испуганная мелко-буржуазная масса бросится в объятия фашизма. Всем памятно, какие страхи рисовал тогда единый фронт воображению и многих наших товарищей. Сейчас, после результатов французских выборов, когда Блюм становится во главе правительства Франции, этот мотив как будто следует считать отпавшим...

Почему же реформистские партии РСИ продолжают урвать в своем нежелании сесть за стол с нынешним столь благонамеренным и причесанным Коминтерном? Отнюдь не из-за боязни этого красного жупела: на международной арене он сейчас часто правее и умереннее многих социалистов. Почему в этих странах нет той воли к единству пролетарских масс, которая во Франции так настойчиво толкала руководство обеих партий на стезю единства? Ответ очень прост: в этих англо-скандинавских странах, где реформизм представлен огромными массовыми партиями, коммунизма почти нет, он представляет собою ничтожную величину, как в смысле организационном, так и в идеологическом: его цветы давно облетели и огни — догорели. И реформисты, страдающие той же болезнью национальной ограниченности, как и большевики, не видят для себя, для своей партии, для своей страны пользы от этих разговоров с Коминтерном. Что предлагает им этот контрагент? У них дома этот контрагент бессилен, а ту единственную страну, в которой он всемогущ — СССР, — включение которой в общее движение могло бы сразу придать ему огромную силу, он заранее исключает из программы общего действия. Дело вовсе не в радетельстве о русской свободе или о русских социалистах, как некоторым кажется, дело в простом и хладнокровном «деловом расчете», который при ближайшем рассмотрении не «балансируется»... Другое дело, если бы Коминтерн предложил единый фронт всюду, в том числе и в Советской России, если бы принципы рабочей демократии им были бы признаны не только «в странах капитализма», но и — «социализма». Дело единого пролетарского фронта, если еще не общего единства, могло бы тогда быстро пойти вперед.

Невзирая на этот логический резон англо-скандинавского рассуждения, левая часть РСИ настойчиво требует встречи РСИ с Коминтерном без предварительных вопросов специально о России. Эти левые партии убеждены, что в процессе таких переговоров вопрос этот неминуемо должен будет встать, ибо никакая международная акция без Сов. России на деле невозможна. Левые исходят не из принципа национальной ограниченности, а из интернациональной общности задач, и полагают, что сила жизни и воля международного проле-

тариата заставят большевиков признать хотя бы начальные принципы рабочей демократии, толкнуть русскую революцию в сторону ее демократического завершения, и тем самым создадут возможность единства в международном масштабе. Левые не видят иного исхода. Необходимо прежде всего преодолеть те психологические трудности, которые и по-днес мешают англо-скандинавским партиям РСИ сесть за один стол с большевиками. Необходимо покончить с этим психологическим наследием прошлого, необходимо сдвинуть тяжелый вал международного единства с мертвой точки, и к этому направлены все усилия левых партий РСИ. Вопрос не в том, кто в упрямстве пересилит. Необходимо общая акция, включающая и Советскую Россию. Международная обстановка столь повелительно диктует это единство, борьба с военной опасностью так категорически требует объединения всех пролетарских сил, что РСИ должен, не считаясь с преступными легкомыслием большевиков, преодолеть свои внутренние томазы и сделать все от него зависящее для того, чтобы заставить их примкнуть к движению единства. Или вся ответственность за новый провал падет на них в глазах всего мирового пролетариата. Нам кажется, что переговоры, раз начавшись, получают огромную силу внутреннего развития, не так то легко будет большевикам в обстановке нынешней 1936 года повторить то, что они позволили себе в 1922 году. То было время взлета Коминтерна, а ныне — заката его. Раз начавшись в международных рамках, движение к единству должно будет поневоле захватить и Россию, без чего оно завершиться не сможет. Ибо в России, и только в России ключ к этому единству находится.

К сожалению, эта столь очевидная теза не всем ясна.

**

В своей статье «Борьба за единство рабочего класса» («В.» № 9 тек г.) Доманевская настаивает на том, что «вопрос должен быть поставлен во всей практической заостренности в чем заключаются в настоящее время конкретные препятствия к осуществлению единства и какими методами можно эти препятствия устранить». После длинного обвинительного акта против РСИ с перечислением всех добродетелей известного поборника единства — Коминтерна, тов. Доманевская историческая память которой дальше 1934 года в глубь времени, повидимому, не идет, спрашивает и отвечает: «и если мы вновь поставим вопрос о том, что же является в настоящее время препятствием к осуществлению единства пролетариата в международном масштабе, то ответ может быть только один: этим препятствием является реформистская установка входящих в РСИ партий, определяющих его политику». Этим реформистским установкам тов. Доманевская противопоставляет левые партии РСИ, которые «понимают всю опасность положения», но только им не хватает той смелости, которую с таким избытком обладает тов. Доманевская. Поощрительно похлопывая эти левые партии по плечу, Доманевская указывает им, «каким методом можно эти препятствия устранить», т. е. препятствия к единству. Этот «метод» гениально прост: стоит только произвести раскол в РСИ — «без промедления обратиться к Коминтерну». Так, понимая «всю опасность положения» и радея о скорейшем единстве, Доманевская предлагает прежде всего начать с «хорошего раскола того единственного, что еще есть — РСИ. Как вспомнить тех миролюбцев, которые давно проповедают «общий мир!».

Все это, с точки зрения любого социалдемократа настоящее безнадежно и беспомощно, что освобождает от необходимости спорить. Но т. Доманевская старательно «прилагается» к левым партиям РСИ, в числе которых находится наша партия, и потому необходимо со всей ясностью ей указать, что сколь многое нас ни отделяет от реформистских партий РСИ, с тактикой которых мы не перестаем бороться внутри РСИ, дистанция не меньшего размера отделяет нас от концепции тов. Доманевской и от ее проповеди раскола. И еще одно: допустим, что левые партии РСИ последовали бы совету тов. Доманевской, откололись от РСИ и «без промедления» предложили руку и сердце Коминтерну. В РСИ остались бы: Англия, Швеция, Дания, Голландия, Бельгия, Чехословакия, Польша и ряд других, т. е. все то, что «во всей практической заостренности» только и интересует Московскую Предложение же должно исходить от французов, австрийцев, польского Бунда и нас. В тех пределах, в которых это возможно нужно, единство во Франции уже осуществлено. Полагает ли тов. Доманевская, что остальным левым Коминтерном широко откроет свои объятия на основе не безоговорочного подчинения и поглощения, а на основах рабочей демократии и равноправия?... Ведь нас и Польского Бунда, Москва, как известно, вообще не признает... И не повторит ли Дмитрий «жест» барона Алоизи в Лиге Наций, отказавшись сесть за один стол с этой российской социалдемократией, которая «факто» не существует на поверхности СССР, давно завоеван-

ной ВКП нераздельно, о чем и будет представлена справка ГПУ установленного образца? Как прикажет нам тогда тов. Доманевская поступить? Не подозреваете ли вы, тов. Доманевская, что и после этого раскола Коминтерн все же будет продолжать адресоваться не к нам, не к тем левым, которые ушли из РСИ, а к тем реформистским партиям, которые в нем остались?...

И, наконец, последний вопрос — русский. Уже закончив всю статью, тов. Доманевская вспомнила, что все же существует Россия и русский вопрос. В явной растерянности, не зная, что сказать при раз принятой позиции, она ограничилась легким, почти презрительным замечанием, что, мол, «я сознательно элиминировала русскую проблему», и на этом успокоилась. Однако, ни один социалист, а тем паче русский социалист, не может и не смеет «элиминировать» русскую проблему, как проблему не только национальную, но и интернациональную, ибо в ней, в этой проблеме, и находится ключ к разрешению всего вопроса о международном пролетарском единстве. Русский вопрос невозможно элиминировать, как невозможно элиминировать всю Россию с ее 170 миллионными населения и с ее властью, осуществляющей «диктатуру пролетариата» для «построения социализма в одной стране». И поскольку Коминтерн только этой диктатурой

и держится, являясь, в сущности, ее простым псевдонимом всякий подлинный и реальный шаг к единству будет на деле оказываться возможным лишь постольку, поскольку он в то же время будет пробивать брешь в режиме сталинской диктатуры, сталинского единодержавия. К сожалению, это еще неясно многим поборникам единства в рядах международного социализма. Это должно им стать ясно и это станет им ясно в процессе их борьбы за единство. Но нам, русским социалистам, это давно ясно. Вот почему, борясь против диктатуры и за демократизацию режима, неустанно требуя в Советской России принципов рабочей демократии, мы не только выполняем свой национальный долг в отношении страны и свой социалистический долг по отношению к пролетариату России, но и свой долг интернационалистов, помогая тем самым преодолеть то, что и является сегодня на деле единственным действительным препятствием к восстановлению единства в пролетариате.

«Дело рабочего единства в конце концов победит. И его победа будет одновременно победой и русской социалдемократии», заключает тов. Дан свои фельетоны о единстве («С. В.» № 4 за 1936 г.).

Да, именно так...

Б. Гуревич (Двинов),

В рабочем социалистическом интернационале

ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛКОМА РСИ.

В Брюсселе 16-18 мая 1936 г. под председательством тов. Л. Де-Брукера состоялась очередная сессия Исполкома. В этом заседании Исполкома приняли участие: два представителя Австрии; Гиллис и Даллас (Англия); Сасуни (Армения); Дельвин (Бельгия); Москов (Болгария); Бухингер и Ронай (Венгрия); Гильфердинг и Вельс (Германия); Альбарда и Форрикс (Голландия); Гварджалдзе (Грузия); Гедтофт-Ганзен и Якобсон (Дания); Модильяни и Ненни (Италия); Де Лос Риос (Испания); Лили Беккер (Люксембург); Ярблом (Палестина); Либерман (Польша — ППС), Эрлих (Польша — Брак, Грумбах, Жиромский и Лонге (Франция); Стивин и Соукуп (Чехословакия, чешская партия); Якш (Чехословакия — нем. партия); Грабер (Швейцария); Лундберг и Нильсон (Швеция). Кроме того, Де-Брукер, как председатель, Адлер, как секретарь, Ван-Розбрук, как кассир, Алиса Пельс — от женского комитета и Оленгауэр от Социалистической Молодежи.

Не смогли прибыть на заседание Ларго Кабалеро от Испании и Леон Блюм от Франции. Леон Блюм прислал секретарю следующее письмо:

«Дорогой друг! Это письмо не прощальное. Тем не менее позвольте мне выразить надежду, что я еще долго не смогу присутствовать на заседаниях Интернационала. Тем охотнее я бы хотел приехать на заседание теперь. Но у меня действительно нет никакой возможности это сделать. Конечно, не потому, чтобы я чувствовал себя стесненным своей будущей министерской ролью, но я прикован к Парижу целым рядом встреч и подготовительных работ, которые нельзя ни отложить, ни отменить. Передайте, пожалуйста, товарищам мой привет, а также чувства сожаления, что не могу быть вместе с ними. Я убежден, что Вы все будете с братским вниманием следить за опытом, который предпринимается не только в интересах французской партии, но и всего Интернационала. Что касается меня лично, на которого ложится значительная часть ответственности за этот опыт, то я постараюсь оказать достойным как той симпатии, которую мне выразили мои товарищи по Интернационалу, так и того доверия, которое оказывают мне мои французские друзья».

**

Заседание Исполкома открылось прочувствованным словом Де-Брукера в честь недавно скончавшегося представителя Голландии тов. **Вибаута**, память которого была почтена вставанием.

Весь первый день заседания был посвящен обсуждению первого пункта порядка дня: «Международное положение, война в Абиссинии, военные провокации гитлеровской Германии и Японии».

Ненни охарактеризовал положение в Италии, создавшееся после завоевания Абиссинии. Победа в Африке на долгое время не даст итальянскому народу ничего, кроме новых финансовых тягот. Между тем, пробужденные империалистической пропагандой аппетиты, растут: крестьяне потребуют земли, рабочие — работы. Это как раз то, чего Муссолини

не может дать. Финансовые и внутренние затруднения снова создадут обстановку аналогичную 1934 году, что толкнет Муссолини на новые авантюры. Основание «африканской империи» находится не в своей последней стадии, а только в первой. Итальянский империализм только начинает свое развитие. Это создает новую международную ситуацию, между тем как единственная международная организация, которая обязана была положить конец этому развитию, Лига Наций, обнаружила свое полное банкротство. А Франция и, к сожалению, Советская Россия все больше и больше склоняются к отказу от санкций, надеясь использовать Муссолини против Гитлера. Это ошибка. Необходимо ясная линия и прежде всего выпрямление политики Москвы.

Лонгэ указывает на необходимость борьбы за мир и разоружение. Решительная политика в этом направлении привлечет к новому французскому правительству Блюма активную симпатию английского рабочего класса.

Гильфердинг считает необходимым быть откровенным до конца. Санкции против Италии имеют лишь моральное значение. Между тем бесконечно более важно то изменение, которое абиссинская война внесла в мировую ситуацию. Нашей политикой мы дали возможность Муссолини одержать блестящую победу, имеющую историческое значение. Отныне итальянский империализм, который, как правильно указал Ненни, только вступает в первый фазис своего развития, будет угрожать самым жизненным интересам Британской Империи. Неизбежна новая ориентация внешней политики Англии. Но рост противоречий между Англией и Италией диктует первой сближение с Германией. Тот факт, что против Германии до сих пор ничего не было предпринято, является фактором огромного политического и психологического значения. Но в этом повинны и мы, в частности лейбористы и французская партия. Наша беда в том, что мы все время гонялись за идеальными формулами, не имевшими, однако, никакой связи с реальным положением вещей. Мировое положение характеризуется не тем, будет ли вообще война или нет, а только тем, когда Германия будет готова. Мы хотим коллективной безопасности, но она может быть осуществлена реально только тогда, когда за ней будет стоять реальная сила, а не только бумажные договоры.

Возражая Гильфердингу, с которым он, однако, во многом согласен, Де-Брукер указывает на то, что не надо из одной крайности впадать в другую. Было бы тяжелой политической и психологической ошибкой, если бы мы вместе с Блюмом не поддержали идеи о борьбе за мир путем разоружения. Это, конечно, не значит, что Блюм созовет новую конференцию разоружения. Но массы должны знать, что мы боремся не за войну, а за мир. Необходимо, чтобы наша борьба за мир была построена не на военных союзах, комбинациях держав и т. п. Я не Дон-Кихот и понимаю значение всех этих реальных вещей. Но стремление к миру может стать непреодолимым только тогда, когда его активно поддержат массы. А для того, чтобы массы его поддержали, необходима какая-то идея, какое-то высшее стремление.

Гиллис подчеркнул, что еще рано говорить о победе Италии и поражении Англии. Муссолини в экономическом и финансовом смысле банкрот. Он был им еще до абиссинского

похода. Сейчас он является им в усиленной степени. И от этого банкротства не спасут его никакие победные фанфары. В Англии он денег не получит, но не получит ли он их во Франции или Соед. Штатах? Вот почему нельзя отказаться от санкций. Наоборот, надо санкции превратить в **постоянный экономический и финансовый бойкот**. Что касается опасности войны, то английское общественное мнение, а следовательно и английское правительство, в данную эпоху сочло бы «казусом belli» только прямое нападение на Францию, Бельгию или Голландию. Это можно сказать с уверенностью. Но что произойдет в случае нападения на всякую другую страну, этого в Англии сейчас никто не может сказать.

Абрамович указал на то, что в вопросе о войне фатализм столь же вреден, как и в борьбе против фашизма. Последние месяцы характеризуются сильным «восстановлением демократии» (Испания, Франция). Эти блестящие успехи были достигнуты вопреки фаталистическому пессимизму искусной тактикой рабочих партий, в частности благодаря тактике единства. Не нужно и войну считать фатальной неизбежностью. Борьба за мир возможна, мыслимо и предотвращение войны, но для этого нужна искусная и активная политика пролетарских партий. Характеризуя создавшееся после демилитаризации Рейнской области положение, **Абрамович** указывает, что план гитлеризма заключается в том, чтобы в военном отношении отрезать Францию от Центральной и Восточной Европы и, пользуясь этим, утвердить гегемонию Германии сначала в Центральной Европе, а затем и в Восточной. Единственный шанс спасения мира заключается в том, чтобы противопоставить гитлеровскому империализму реальную силу, а самого начала обрекающую на верное поражение его планы. Такая сила не может быть создана вне тесного сотрудничества Англии, Франции и России. Но чтобы осуществить последнее, необходима активная тактика социалистических партий этих трех стран. Борьба за мир вообще в этих условиях не может быть осуществлена без активной политики мира всего рабочего класса. В грядущей войне и в борьбе за ее предотвращение не может быть «нейтральных» — ни держав, ни классов. Не может остаться «нейтральным» и мировой социализм. И в этом основное различие с эпохой Циммервальда. **Де-Брукер** прав: борьба за мир не может вестись без могущественной поддержки широкого общественного движения. Но идея, во имя которой это движение будет вестись, должна быть идеей **анти-фашистского социализма**, борьба за право, за демократию, за новый социальный строй.

Соукуп и **Лундберг** охарактеризовали положение в своих странах и высказались за самое тесное сотрудничество с Лигой Наций. Причем **Лундберг** указал на растущее в скандинавских странах стремление к нейтралитету.

Либерман высказал свое глубокое разочарование в Лиге Наций, чем вызвал страстную реплику со стороны **Альбарда**, который указал, что единственная возможность спасения мира от катастрофы, которая уничтожит всю человеческую цивилизацию, является только организация коллективной безопасности Лигой Наций. К нему примкнул **Модильяни**, сказав, что война, какой бы она ни носила характер, и чем бы она ни закончилась, означает гибель и для победителей и для побежденных. Если война вспыхнет, мы все должны быть **против нее**. Никакие другие лозунги недопустимы для социалистов.

Прения по этому пункту кончились избранием комиссии, в состав которой вошли **Гиллис**, **Гильфердинг**, **Лонгэ**, **Лундберг** и **Ненни**. Выработанная этой комиссией резолюция была единогласно принята Исполкомом на заседании 18 мая (Текст ее читатели найдут в начале этого номера).

Исполком чрезвычайно подробно обсудил и вопрос о **бойкоте фашистских стран**, в частности вопрос о бойкоте интернациональных конгрессов и съездов, происходящих в Германии. По этому пункту секретариатом был представлен подробный меморандум. Дебаты сконцентрировались вокруг двух частных случаев: вопроса об интернациональном «съезде городов», должествующем состояться этим летом в Берлине и Мюнхене; и вопроса о нарушении бойкота Германии благодаря «трансферному соглашению» между палестинскими еврейскими организациями и гитлеровской Германией*).

По первому пункту Исполком заслушал доклад генерального секретаря интернационального союза городов бельгийского товарища **Винка**. По вопросу о палестинском трансфере были заслушаны сообщения **Эрлиха** и **Ярблума** (помимо этого к заседанию Исполкома был представлен ряд меморандумов и докладных записок партии **Поале-Цион**).

*) Это «трансферное соглашение» предусматривает, что евреи, эмигрирующие из Германии в Палестину, могут вывозить свои капиталы только в форме германских товаров.

Эрлих критиковал трансфер, как недостойный ни еврейских организаций, являющихся представителями той нации, против которой направлена главная ярость гитлеровского терроризма, ни социалистической партии, какой является П.И. В противоположность этому **Ярблум** отстаивал допустимость и целесообразность трансфера, благодаря которому изгнанные из Германии евреи имеют возможность вывести в Палестину свои капиталы. Председатель **Де-Брукер** предложил выделить вопрос о трансфере из общего вопроса о бойкоте и перенести его к тому пункту порядка дня (§ 5), в котором разбираются вопросы, «касающиеся отдельных секций», и вопрос о трансфере может занимать Исполком лишь постольку, поскольку выдвигается обвинение против **Поале-Цион**, как палестинской секции РСИ. Это предложение было принято, но в виду краткости времени Исполком впоследствии не успел обсудить этого вопроса. Он остался открытым и противникам трансфера предоставляется право в одном из следующих заседаний Исполкома поднять вопрос снова. По общему-же вопросу о бойкоте Исполком выбрал комиссию в составе **Брака**, **Далласа**, **Якобсена**, **Ольвегауэра** и **Абрамовича**, которая выработала проект резолюции, принятой 18-го мая почти единогласно. Резолюция эта гласит:

«РСИ и Международная Федерация Профсоюзов уже на совместном заседании 19 мая 1933 года в Париже высказались за поддержку и продолжение того «прямого морального и материального бойкота» против террора и беспримерного варварства гитлеровского режима, который стихийно вспыхнул у всех цивилизованных народов.

Но мировой бойкот против варварства гитлеризма имеет много пробелов. Серьезные экономические и политические мотивы вынудили ряд государств и организаций разного рода, охраняя свои интересы, не объявлять бойкота против Германии или частично его нарушать. Но и моральный бойкот Германии не удалось полностью провести. Гитлеровскому режиму все еще удается использовать политическую пассивность окружающего мира для своих целей. Высококультурные интернациональные союзы все еще принимают гостеприимство верховных вождей национал-социализма. Именитые представители европейской цивилизации все еще пожимают руки фашистских лидеров.

Но несмотря на все свои пробелы и недостатки, бойкотное движение все же способствовало борьбе против гитлеризма и его необходимо поэтому проводить со всей энергией в силу имеющихся возможностей.

Исполком РСИ поэтому приветствует объявленный Социалистическим Интернационалом Спорта бойкот Олимпиады в Германии, равно как и бойкот конгресса по «организации рабочего досуга» в Гамбурге, объявленный МФПС, и призывает всех социалистов бойкотировать Конгресс интернационального союза городов в Берлине и Мюнхене».

***

Обширные дебаты развернулись в Исполкоме в связи с предложением французской партии снова поднять вопрос об организации **пролетарского единства** в международном масштабе. Предложение это было обосновано **Жиромским** в обширной речи, в которой он охарактеризовал положение во Франции и победу пролетариата, выросшую на почве единства. В прениях приняли участие **Де-Брукер**, **Дельвин**, **Стевлин**, **Якш**, представитель Австрии, англичане **Даллас** и **Гильберт**, **Лундберг**, **Модильяни**, **Абрамович**, **Брак**, **Грумбах**, **Сухомлин**, **Эрлих**, **Сасуни**, **Гварджаладзе** и **Адлер**. Резолюция по этому вопросу предложено не было, но в прениях была высказана мысль об устройстве совещания ряда социалистических и коммунистических партий специально по вопросу о **борьбе за мир**. В частности было предложено устроить совещание в составе **Лейбор-партии**, **ВКП(б)**, французских социалистов и французских коммунистов. Английские делегаты заявили, что готовы возбудить этот вопрос в ЦК своей партии, если французские товарищи возьмут на себя официальную инициативу. Французская делегация ответила согласием. Таким образом, вопрос сейчас зависит от сговора французских и английских товарищей, причем для осуществления этого плана необходимо постановление РСИ не требуется.

В тесной связи с комплексом вопросов о пролетарском единстве был обсужден и ряд конкретных вопросов о съезде и организациях, построенных на принципе единого фронта и народного фронта. Речь идет, в частности, о «всемирном конгрессе мира», созываемом в Женеве комитетом, в состав которого, наряду с такими лицами, как **Бенеш**, **лорд Сесил**, **епископ Кентерберийский** и др., входят видные представители европейского социализма и коммунизма. В ответ на предложение этого комитета — официально примкнуть к конгрессу мира — Исполком постановил, что РСИ, как таковой на конгрессе представлен не будет, но в отмену прежних решений разрешит секциям РСИ и отдельным членам принять участие в нем.

мать участие на этом конгрессе. Аналогичное же решение было вынесено в отношении к созываемому в Париже социалистами и коммунистами съезду для защиты права убежища. Для участия в этом конгрессе «Комиссия о политических заключенных» при РСИ делегирует своего председателя, тов. Де-Брукера.

**

Что касается пункта порядка дня, посвященного «вопросам отдельных стран», то был заслушан подробный доклад испанского делегата Де Лос Риос, и принято постановление послать приветственную телеграмму съезду американской соц. партии. В этой телеграмме высказывается «глубокая тревога по поводу внутренних трений соц. партий Америки» и высказывается надежда, что на съезде оба направления сделают все для них возможное, чтобы сохранить единство партии.

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ.

15-го мая состоялось заседание Бюро РСИ под председательством Де-Брукера. Бюро занималось подготовкой предстоявшего заседания Исполкома. Особенно подробно были обсуждены вопросы, связанные с бойкотом интернациональных конгрессов, созываемых в Германии, а также вопрос об участии в «Мировом Конгрессе Мира». Постановление Бюро по этим вопросам были затем подтверждены Исполкомом. Наша партия была в Бюро представлена Р. Абрамовичем.

**

14-го мая в Брюсселе состоялась сессия комиссии об изучении тактики примыкающих к РСИ партий в случае войны. Комиссия имела два заседания, на которых подробно были обсуждены представленные шестью партиями докладные записки и обширный доклад секретаря РСИ. Наша партия представлена в этой комиссии тов. Ф. И. Даном.

Р. А.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАЧКА В ПОЛЬШЕ.

Общее положение в Польше все больше обостряется вследствие того, что длительный промышленный кризис, совпавший с тяжелым аграрным кризисом, и неспособное ни к какой радикальной и конструктивной работе правительство с каждым днем увеличивает нищету и отчаяние трудящихся масс, обостряют социальные антагонизмы, накапливают элементы социального взрыва.

Но, если тяжело общее положение трудящихся масс в Польше, то совершенно невыносимо там положение еврейской бедноты и еврейских рабочих. Антисемитизм входит составной и неотъемлемой частью в программы всех польских буржуазных партий. Разногласия между ними лишь в методах осуществления программ антисемитизма. Правительственная партия придерживается политики скрытого антисемитизма. Официально правительство стоит на позиции национально-равноправия, а на практике на каждом шагу систематически и планомерно вытесняет евреев из всех областей хозяйственной жизни страны, загоняя еврейские массы в нищету средневекового ремесла. Такое правительство не может, да и не очень хочет действительно бороться против антисемитизма оппозиционных эндеков (народно-демократической партии), стоящих за открытое экономическое и физическое уничтожение польского еврейства. Под влиянием раздуваемой агитации этих польских фашистов 9-го марта в Лодзине (близ Радома) вспыхнул при явном попустительстве полиции еврейский погром. Известие о погроме благодаря цензурным рогаткам дошло до Варшавы лишь 11-го марта, вызвав взрыв отчаяния в среде еврейской бедноты, но и чувство возмущения и протеста среди еврейских и польских рабочих. Центральный комитет еврейской социалистической партии (Бунда) немедленно постановил ответить на погром всеобщей забастовкой протеста еврейских рабочих, назначив ее на 17 марта. ЦК Бунда немедленно съехал с еврейским профсоюзным центром, входящим составной частью в общепольский профсоюзный центр. Предложение о всеобщей забастовке еврейских рабочих было принято еврейскими профсоюзами единодушно.

Польские организации — и партия (ППС) и профсоюзы — с горячей симпатией отнеслись к этому движению, но не решились при данном состоянии польских рабочих организаций попытаться придать ему общепольский характер. ППС и профсоюзы ограничились поэтому для страны в целом кампанией идейной солидаризации с бастующими еврейскими рабочими. На местах солидарность польских и еврейских рабочих принимала нередко и более активные формы.

В еврейской среде забастовка была абсолютной и всеобщей и прошла с исключительным подъемом. В большинстве предприятий, в которых еврейские рабочие работают совместно с польскими, немецкими, украинскими, белорусскими рабочими, все они присоединились к забастовке. В некоторых городах (Белосток, Томашев, Белхотов и др.) забастовка распространилась и на предприятия, в которых нет еврейских рабочих. Повсюду состоялись в этот день демонстрации и массовые собрания, на которых вместе с представителями Бунда выступали представители польских и других социалистов. Общее впечатление от забастовки было огромно. Старые товарищи, помнящие еще прошлое, единодушно говорили, что забастовка своей внушительностью и тем настроением, которым были охвачены массы, напомнила им лучшие дни 1905 года.

СЪЕЗД ГОЛЛАНДСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

В середине апреля состоялся в Роттердаме 42-й Конгресс Голландской Социалдемократической Рабочей Партии. Председатель партии, т. Форринк посвятил свой вступительный доклад характеристике внешне-политического и внутри-политического положения. С самого возникновения фашизма социалисты не переставали разоблачать фашизм, как явление, грозящее миру новой войной. Война Муссолини в Африке — одно из проявлений сущности фашизма. Лондонская резолюция РСИ и МФПС правильно оценивает общее положение, когда все внимание сосредоточивает на необходимости организации народами, отстаивающими мир, совместной борьбы против подстрекателей войны.

Переходя к внутри-политическому положению, Форринк отмечает непрекращающийся рост безработицы в Голландии и опасность продолжающейся дефляционной политики правительства. Недовольство растет. Косвенно об этом говорит успех голландских фашистов, получивших на последних коммунальных выборах 8% голосов. К счастью, одновременно усиливается и с.-д. партия, выигравшая на муниципальных выборах почти 200 новых мест. Успехи партии Форринк относит за счет пропаганды «Плана труда», которую партия поставила в центр своей работы. Этой пропаганде партия обязана тем, что ей сейчас принадлежит ведущая роль в оппозиции против правительства. Чтобы эти успехи закрепить, нужно не обострять отношений с католической партией (в основном партией католических рабочих). Эта позиция встретила на съезде одобрение подавляющего числа участников.

Организационно партия за последний год сделала новые успехи. Число местных организаций возросло с 765 до 796; число членов партии достигает почти 88.000.

В прениях по докладу о деятельности ЦК за отчетный период выступило до 40 ораторов. Три проблемы стояли в центре прений: «Поворот» партии в военном вопросе, отношение к идее нации и сближение с католической партией.

Решительным сторонником новой ориентировки партии в военном вопросе явился председатель с.-д. фракции в парламенте Альбарда. Социалдемократическая фракция в парламенте боролась за разоружение до тех пор пока это было возможно. К сожалению, ряд событий последнего времени заставляет партию отступить от этой позиции. Пацифистское движение последних лет было построено в основном на негативном принципе — «Нет». У такого движения есть много шансов на успех в обстановке демократии. Но в современной Европе есть страны, в которых нет не только демократии, но где господствует самый откровенный террор, где процветает культ язычества, подстрегающий милитаристские инстинкты. Чтобы спасти мир, пацифизм должен стать теперь активным и конструктивным. Пацифизм должен сказать «Да!» Нужно создать силу, которая способна охранять международный правопорядок и которая была бы настолько значительной, чтобы поставить на колени всякого, покушающегося на мир. — В виду того, что вопрос о пересмотре военной политики партии еще недостаточно обсуждался внутри партии, Альбарда от имени ЦК партии предложил однако воздержаться пока от решения вопроса по существу и ограничиться избранием специальной комиссии, которая подготовит к следующему съезду проект решения. Съезд с этим согласился.

Второй вопрос, занявший в прениях много места, касался изменения отношения партии к идее нации. И по этому вопросу наибольшее впечатление на съезд произвела речь Альбарды, который в усилении национальной идеи не видит для партии опасности. Напротив, Альбарда склоняется к мысли, что национальные эмблемы должны перестать быть символами борьбы против социалдемократии. «Между национальным сознанием и международной солидарностью нет противоречия. Следуя духу времени, и мы должны будем признать национальные эмблемы своими».

Поворот к идее нации рассматривался на съезде отнюдь не

в абстрактной форме. При создавшихся в стране условиях с.-д. партия считается с возможностью своего участия — совместно с католической партией — в правительстве. Разногласия на с'езде возникли не столько по вопросу, следует ли или нет идти при определенных условиях в правительство, а главным образом о порядке принятия партией соответствующего решения. Обстоятельства могут сложиться так, что окажется невозможным откладывать решения до созыва экстренного с'езда партии. ЦК предложил поэтому уполномочить Совет партии принять в случае необходимости решение. Группа делегатов внесла поправку с требованием двух третей голосов партийного совета для решения о вступлении в правительство. Интересны аргументы, которые Альбарда выдвинул против этой поправки: «Поправка исходит из мысли, что вступление в правительство связано с большими опасностями, чем решение об отказе от участия в правительстве. Мы живем в обстановке, в которой рабочий класс играет в общественной и политической жизни страны такую роль, что участие партии в правительстве не может рассматриваться, как нечто ненормальное». Поэтому невозможно предоставить трети партийного совета решать вопрос в отрицательном смысле. «Ответственность за отрицательное решение так же велика, как и ответственность за положительное решение». — С'езд принял предложение ЦК, подчеркнув, что Партийный Совет, принимая соответствующее решение, должен действовать в контакте с профсоюзами.

Среди организационных вопросов, обсуждавшихся с'ездом, заслуживает внимания предложение о предоставлении ЦК возможности оказывать значительное влияние на составление кандидатских списков партии на выборах. До сих пор вопрос о кандидатах окончательно решался на местах, и местные и личные соображения играли при этом немаловажную роль. В частности местные организации не решились заменять выбывающих депутатов новыми кандидатами, в результате чего средний возраст членов социал-демократической фракции в одной из палат парламента превышает 60 лет! Сейчас порядок этот изменен: в составлении кандидатских списков участвуют местные руководящие органы, ЦК и Совет партии и список считается окончательно принятым после принятия его прямым голосованием всех членов местной организации.

Предложение ЦК о созыве очередного партийного с'езда не каждый год, как до сих пор, а каждые два года, было отклонено 1.002 против 902.

РАБОЧЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ.

Деятельность первого рабочего правительства Новой Зеландии с каждым днем привлекает к себе внимание самых широких кругов. После недавней победы на выборах вождем рабочей партии Сэвэдж заявил, что первой заботой нового правительства будет решительное улучшение социального законодательства. Одним из первых мероприятий нового правительства явилось введение 40-часовой рабочей недели во всех общественных предприятиях. Ставки туземных рабочих (маори) уравниены со ставками европейских рабочих. На ближайшее же время намечено осуществление в полном объеме государственного контроля над железными дорогами. В программе правительства предусмотрены и далеко идущие меры по жилищному строительству, расширению транспорта, страхованию на случай старости, социальной гигиене и государственному контролю в области кредита, в частности путем государственного регулирования банковского дела и национализации Центрального Резервного банка. Предстоит далее общее введение 40-часовой рабочей недели, повышение уровня заработной платы, увеличение пособий безработным, коренная реформа законодательства о порядке разбирательства трудовых конфликтов. Одновременно с реформой конфликтного законодательства правительство предполагает сделать для рабочих обязательным участие в профсоюзах, сохраняющих однако полную независимость от правительства.

Рабочее правительство принимает также меры к стабилизации хлебных цен на уровне, обеспечивающем интересы и производителей и широких слоев потребителей.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Знамя России, № 5 (81).
 Бюллетень оппозиции, № 50, май 1936 г.
 Новая Россия, № 6.
 Sozialistische Tribüne, Nr 2, April 1936.
 American Socialist Monthly, vol. 5, Nr 3, may 1936.
 Après la Victoire Electorale, mai 1936, revue communiste «Que faire?», Numéro spécial.
 Schul-Wegn, II-III, 1936, Warszawa.
 Zukunft, IV, New-York.

Le Gérant : Paul Colliette

Cahiers du bolchévisme. 15 mai 1936. № 8-9.
 Otto Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus.
 Eugen Prager-Verlag. Bratislava. 1936.

От редакции. — Статьи т. Менеса о Палестине и т. Сапира о с'езде Комсомола отлагаются до следующего номера.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 4/5, 13/5, 20/5.
 Отослано: № № 11, 12.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т :

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журналов от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

На складе Социал. „Вестника“ имеются следующие издания :

	ЦЕНА ВО ФРАНКАХ для подписчиков „Соц. Вестника“	Вместо: 40% скидки
Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,56
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,05
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
А. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	7,20
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.	1,00	0,60
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.	6,00	3,60
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.	6,00	3,60

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

Imp. «Union», 13, rue Méchain, Paris